

Очеркъ Московской торговой экспедиціи въ Монголію.

Весною 1910 года на совѣщаніи представителей московскаго промышленнаго и коммерческаго міра было рѣшено организовать торговую экспедицію въ Монголію въ цѣляхъ широкаго, обстоятельнаго и непосредственнаго изученія монгольскаго рынка, условій торговли въ этомъ отдаленномъ и мало знакомомъ краѣ, экономического быта населенія и для выясненія способовъ къ усиленію сбыта въ Монголію русскихъ товаровъ и русскаго торговаго вліянія. На совѣщаніи представителей промышленности и торговли были намѣчены вопросы, подлежащіе изученію, и выработана для экспедиціи подробная программа. Средства для экспедиціи были собраны путемъ подписки среди крупныхъ московскихъ фирмъ. Къ участию въ экспедиціи было рѣшено привлечь представителей разныхъ отраслей торговли, а также спеціалиста по животноводству, составляющему главное занятіе монгольскаго населенія; также признавалось желательнымъ имѣть въ средѣ экспедиціи лицъ, бывавшихъ ранѣе въ Монголіи и имѣющихъ тамъ торговыя связи.

Во главѣ экспедиціи былъ приглашенъ стать полковникъ *В. Л. Поповъ*, совершившій уже ранѣе, въ 1903 году, экспедицію въ Монголію и затѣмъ не перестававшій все время слѣдить за положеніемъ тамъ дѣлъ, въ частности за положеніемъ торговли.

**Составъ
экспедиціи.**

Членами экспедиціи командированы представители крупнѣйшихъ фирмъ Москвы: *С. Л. Вильгузъ*, *В. С. Шкаринъ*, *К. П. Колядовъ*, *Л. И. Дрейзмейеръ*, *Г. И. Колчевскій* и *В. Ц. Фланденъ*.

Кромѣ того организаторами экспедиціи были приглашены: агрономъ *І. М. Морозовъ* и Чугучакскій торговый старшина, торговавшій въ Монголіи болѣе 30 лѣтъ, хорошо владѣющій монгольскимъ и китайскимъ языками, *А. П. Соболевъ*; въ качествѣ спеціалиста переводчика приглашенъ былъ штатный переводчикъ кяхтинскаго погранич-

наго комиссара *Я. И. Мальцевъ*. Министерство торговли и промышленности командировало въ экспедицію своего представителя *А. П. Лелькова*. Въ городѣ Ургѣ присоединился къ экспедиціи членъ экспедиціи, командированный военнымъ министерствомъ, окончившій Восточный институтъ, поручикъ *Х. Я. Зеллисъ*, хорошо владѣющій монгольскимъ и китайскимъ языками.

Военное министерство разрѣшило командировать 12 забайкальскихъ и иркутскихъ казаковъ; затѣмъ были наняты, уже въ Кяхтѣ, проводники, лаучи и рабочіе буряты и монголы. Большинство казаковъ владѣло монгольскимъ языкомъ; изъ числа ихъ были медицинскій и ветаринарный фельдшера и кузнецъ.

Выборъ маршрута.

При рѣшеніи вопроса о маршрутѣ остановились на предложеніи сформироваться въ г. Кяхтѣ и выступить на Ургу, а затѣмъ, раздѣляясь на партіи, уже слѣдовать по Монголіи въ разныхъ направленіяхъ, при чемъ начальнику экспедиціи было предоставлено право впослѣдствіи, въ зависимости отъ обстановки, выработать маршруты партій, но съ условіемъ посѣтить главнѣйшіе торговые центры: Ургу, Улясутай, Кобдо, Уланкомъ.

Такое рѣшеніе имѣло то огромное преимущество, что организація экспедиціи могла быть завершена на самой границѣ и экспедиція могла приступить къ интересной работѣ съ первыхъ же дней, посвятивъ время изученію важнѣйшихъ пунктовъ монгольской торговли: Маймачена (кяхтинскаго) и Урги всѣмъ составомъ экспедиціи,—послѣ чего уже возможно слѣдовать партіями.

Такимъ образомъ, маршрутъ экспедиціи вылился въ слѣдующую форму: *Кяхта—Урга*, всѣмъ составомъ экспедиціи. Въ Ургѣ экспедиція раздѣлилась на три партіи: В. Л. Поповъ, К. П. Колядовъ, Г. И. Колчевскій, А. П. Соболевъ и Х. Л. Зеллисъ—по направленію *Урга—Заинь-Шабь—Улясутай*; І. М. Морозовъ, В. Ц. Фланденъ, В. С. Шкаринъ и Я. И. Мальцевъ—*Урга—Ванъ-Куренъ, р. Селенга—Улясутай*; С. Л. Вильгузъ и А. П. Лельковъ—*Урга—Калганъ—Кукухото—Пекинъ—Тянь-Цзинь*. Изъ Улясутая экспедиція опять подѣлилась: В. Л. Поповъ и Х. Я. Зеллисъ пошли на *Уланкомъ* черезъ *Дурбетскія земли хребтомъ Ханъ-Хухеємъ, затѣмъ по хр. Танну-ола къ оз. Косоголу и черезъ с. Тунку въ Иркутскъ*; остальные члены: І. М. Морозовъ, В. С. Шкаринъ, К. П. Колядовъ, Г. И. Колчевскій, В. Ц. Фланденъ, А. П. Соболевъ и Я. И. Мальцевъ,—на *Кобдо—Кошъ-Агачъ и въ Бійскъ*.

Содѣйствіе правитель-ства.

Прежде всего самое горячее участіе къ предстоящей экспедиціи выказалъ иркутскій генераль-губернаторъ и командующій войсками

иркутскаго военнаго округа А. Н. Селивановъ, оказавшій экспедиціи самое полное содѣйствіе, покровительство и помощь. Затѣмъ широкое содѣйствіе оказалъ экспедиціи російскій императорскій посланникъ въ Пекинъ И. Я. Коростовецъ; министерство торговли и промышленности приняло участіе въ организаціи экспедиціи, командировавъ своего представителя.

Лошади приобрѣтены были въ Монголіи и къ 15 мая доставлены въ Кяхту. Закупка лошадей монгольской породы давала экспедиціи огромное преимущество въ стоимости лошадей и привычности ихъ къ климату и условіямъ похода черезъ Монголію; не требовалось везти или запасаться въ пути фуражемъ. Купленныя лошади оказались болѣе или менѣе выѣзжанными, правда, нѣкоторыя недостаточно, но зато всѣ крѣпкія, сильныя и способныя къ дальнему путешествію. **Снаряженіе экспедиціи.**

Въ первое время были случаи, что лошади сбивали всадниковъ, волновали весь составъ экспедиціи, но зато впослѣдствіи при усиленныхъ переходахъ, 50—60 верстъ въ сутки, по Гоби или бесплоднымъ степямъ Ханъ-Хухея, безъ корма, эти маленькія лошадки отлично служили свою службу, нѣкоторыя даже были приспособлены къ запряжкѣ въ экипажи.

Было нѣсколько лошадей сибирской породы (крестьянскихъ); несмотря на высокую цѣну и отличныя качества здоровыхъ и сильныхъ лошадей, онѣ на короткихъ кормахъ, при большихъ переходахъ, отказывались служить: приходилось ихъ или обмѣнивать, или продавать за безцѣнокъ.

Верблюды приобрѣтены были тоже въ Монголіи, въ Ургѣ, и пригнаны въ Кяхту къ 15 же мая; они въ большей части оказались отличными вьючными животными, совершенно незамѣнимыми при дальнемъ путешествіи по Монголіи.

Всѣ верблюды работали въ экспедиціи все время, больныхъ было мало, а нѣкоторые совершили колоссальный путь въ 3.000 верстъ, неся все время огромные вьюки, не менѣе 12—15 пудовъ, при большихъ переходахъ, въ 50—60 верстъ въ сутки, по цѣлымъ недѣлямъ безъ дневокъ. Можно было бы перевозку грузовъ экспедиціи сдѣлать наемными караванами (изъ верблюдовъ или быковъ), но при такихъ условіяхъ экспедиція была бы связана въ своемъ путешествіи, находясь въ зависимости отъ транспортныхъ средствъ тѣхъ или другихъ пунктовъ, условій перевозки, цѣнъ, времени и т. д. Всѣ эти условія наемныхъ каравановъ очень стѣснили бы свободу путешествія, выборъ маршрутовъ и времени слѣдованія.

Сѣдла для всѣхъ членовъ экспедиціи были приобрѣтены монгольскаго типа,—нѣсколько тяжеловатыя, но прочныя, удобныя и, самое главное, недорогія; они въ любомъ пунктѣ Монголіи, въ случаѣ поломки или утраты, легко могли бы быть замѣнены. Утварь: котлы, чайники мѣдные и алюминіевые, стаканы, кружки, ложки, ножи, вилки и прочія дорожныя принадлежности для кухни и сервировки стола,—приобрѣтена была еще въ Москвѣ, только часть въ Кяхтѣ. Палатки были разнаго типа, но наиболѣе удобною оказалась палатка Кепке, офицерская, изъ брезентоваго верха и суконной подкладки. Взяты были съ собою походныя кровати, но въ послѣдствіи многіе изъ членовъ отказались ими пользоваться и спали прямо на землѣ въ палаткахъ.

Въ Монголіи было приобрѣтено для каждаго члена мѣховое одѣяло, оказавшее незамѣнимыя услуги при ночлегахъ.

Почти всѣ члены экспедиціи одѣты были въ однообразный костюмъ: куртки изъ легкой матеріи цвѣта хаки, укороченные шаровары и большіе охотничьи сапоги; нѣкоторые взяли съ собою англійскіе гетры, но потомъ пользовались ими только при парадныхъ выходахъ, во время же путешествія признавали удобнымъ укладывать ихъ въ чемоданы. Какъ курьезъ, необходимо отмѣтить, что однообразные костюмы у всѣхъ членовъ экспедиціи и черныя рубашки у казаковъ съ одинаковыми головными уборами, хотя и не имѣли положительно ничего, напоминающаго военное обмундированіе, тѣмъ не менѣе вызвали у китайцевъ и монголовъ подозрѣніе, что это—военная экспедиція, что члены экспедиціи всѣ офицеры, а рабочіе—казаки. По этому поводу даже въ китайской прессѣ появился рядъ статей, въ которыхъ про экспедицію рассказывались небылицы, въ родѣ того, что Россія выслала въ Монголію 10.000-ный отрядъ войскъ; между тѣмъ среди членовъ экспедиціи, дѣйствительно, было всего два офицера и 12 казаковъ.

При снаряженіи экспедиціи въ Москвѣ организаторы не покупились на покупку всевозможныхъ консервовъ и припасовъ въ столь значительномъ количествѣ, что ихъ хватило на все время экспедиціи съ излишкомъ; въ смыслѣ стола составъ экспедиціи былъ обставленъ хорошо; сухари бѣлые и черные заготовлены были въ Кяхтѣ, Ургѣ, Улясутаѣ, Кобдо. Мясомъ служила баранина. Вина и коньякъ, столь необходимыя въ путешествіи, были взяты тоже частью изъ Москвы, частью покупались въ Кяхтѣ и Ургѣ. Аптека была составлена въ такомъ разнообразіи медикаментовъ и количествѣ ихъ, что экспедиція не только не чувствовала недостатка въ медицинскомъ и ветеринарномъ леченіи, но постоянно оказывала помощь монгольскому населенію.

Къ 25 мая всѣ члены экспедиціи собрались въ Кяхтѣ. Начались сборы, ознакомленіе съ мѣстными коммерсантами, съ положеніемъ торговли черезъ Кяхту и изученіе сосѣдняго китайскаго городка Маймачена и его торговли, съ необходимыми визитами китайскому начальнику города и прочимъ чинамъ.

Отъ Кяхты
до Урги.

30 мая весь составъ экспедиціи приступилъ къ устройству каравана; все было провѣрено, переписано, переложено, затюковано такъ, какъ было нужно для предстоящихъ маршрутовъ. 31 мая кяхтинскими коммерсантами для экспедиціи былъ устроенъ въ китайскомъ Маймаченѣ торжественный обѣдъ.

1 іюня состоялось выступленіе экспедиціи въ Монголію. Рано утромъ привели верблюдовъ, лошадей; началось завьючиванье верблюдовъ. Только къ 10 часамъ утра удалось завьючить 33 верблюда и отправить 20 быковъ съ товарами. Около знаменитаго кяхтинскаго собора остановился весь нашъ большой караванъ, члены экспедиціи и провожающіе гостепріимные кяхтинцы: А. Д. Хитрово, Я. Г. Урусовъ, М. А. Лушниковъ и другіе кяхтинскіе представители именитаго купечества.

На площади передъ соборомъ былъ отслуженъ торжественный молебенъ съ окропленіемъ экспедиціи освященною водою, и экспедиція тронулась въ путь. Всѣ члены экспедиціи, казаки, монгольскіе лаучи и проводники—верхами. Впереди—группа членовъ экспедиціи въ числѣ 11 человѣкъ, затѣмъ караванъ верблюдовъ съ товарами и запасами экспедиціи въ сопровожденіи казаковъ, всего 35 лошадей со всадниками, и 33 верблюда и нѣсколько экипажей провожающихъ картинно вытянулись по главному транспортному тракту на Ургу. Миновали и китайскіе караулы, вступили въ Монголію. Вотъ она безпредѣльная, широкая степь, однообразно-волнистая и пустынная. Только изрѣдка, то вправо, то влѣво отъ пути или гдѣ-то далеко на горизонтѣ пасутся табуны лошадей, гурты скота или на какой-нибудь вершинѣ виднѣются мелкія - мелкія точки, какъ разсыпанные живые камни: это—стада барановъ и козъ. Изрѣдка среди полной тишины вдругъ какъ изъ земли покажется лихой всадникъ, а тамъ, съ другой стороны,—еще и еще. Несутся карьеромъ по степи на своихъ маленькихъ лошадакахъ „напрямки“ безъ всякихъ дорогъ и тропъ. Далеко-далеко зоркій глазъ монгола замѣтилъ своего товарища, и вотъ куда-то торопившійся,—можетъ-быть по своему дѣлу или съ порученіемъ отъ чиновника,—рѣзко свернулъ къ товарищу и быстро полетѣлъ ему навстрѣчу; тотъ тоже увидѣлъ,—и скачутъ, можетъ-быть, добрый десятокъ верстъ другъ къ

другу. Подъѣхали, остановились, обмѣнялись табакерками, понюхали, закурили и спрашиваютъ другъ-друга: здоровъ ли скоть, все ли благополучно въ аулѣ, что новаго? и т. д. Завидѣли колоссальный караванъ по дорогѣ, впереди много всадниковъ. Что это? Кто и зачѣмъ? Любопытство свободного, впечатлительнаго монгола загорѣлось, они оба забыли о своемъ дѣлѣ, о цѣли своей поѣздки, свернули и подъѣхали къ каравану; осмотрѣлись, подъѣхали къ переднему лаучу-монголу, и начался допросъ. Нашъ почтенный старикъ лауча-монголѣ, шествуя во главѣ крупнаго богатаго каравана, понималъ свое исключительное положеніе. Съ большимъ достоинствомъ, не торопясь, начиналъ онъ объяснять своимъ землякамъ, кто и куда ѣдетъ съ такимъ караваномъ, что везутъ. Вотъ впереди ѣдутъ важные господа, а среди нихъ самъ русскій большой нойонъ. О!—и бойкіе узкіе глазки внимательно разглядываютъ насъ, держась на почтительномъ отдаленіи. Они, эти зоркіе глаза, замѣтили все: какой костюмъ, лошади, сѣдла и т. д., и т. д. Ни одна мелочь не ускользнетъ отъ впечатлительнаго бойкаго монгола. Но вотъ оба монгола быстро повернули и карьеромъ въ разныя стороны полетѣли по широкой безбрежной степи, а вмѣстѣ съ ними полетѣла и вѣсть о большой русской экспедиціи съ важными господами и русскимъ нойономъ во главѣ. И начала эта вѣсть переходить изъ устъ въ уста кочевниковъ. Уже на завтра долетѣла эта вѣсть до Урги, а, можетъ-быть, и до Улясутая, окрашиваясь, разрастаясь въ воображеніи и слухахъ въ 10.000-ный русскій отрядъ, вступившій въ Монголію.

Прошли 18 верстъ, подошли къ рѣчкѣ Бурѣ. Солнце начинаетъ спускаться къ закату; до слѣдующей воды засвѣтло не дойти,—значить, пора и на ночлегъ. Передвиженіе каравана въ Монголіи не зависитъ отъ воли путешественниковъ, переходы почти всегда строго опредѣлены: отъ воды до воды. Первый переходъ по привольной монгольской степи сдѣлали. Экспедиція, стой,—здѣсь ночлегъ! Да и будетъ на первый день. Выбрано мѣсто для бивака, намѣчены мѣста для палатокъ, для склада груза и привязки верблюдовъ. Караванъ медленно подходитъ къ биваку, верблюды выстраиваются въ ряды. Бивачная жизнь началась... Всѣ за дѣломъ: члены экспедиціи сами разсѣдываютъ своихъ лошадей, кто самъ и спутываетъ ихъ и отдаетъ казакамъ; лаучи, проводники и казаки возятся съ верблюдами; „Сокъ“! „Сокъ“!—кричитъ казакъ, дергая верблюда за веревочку съ палкою, просунутой въ его ноздри, служащей единственнымъ средствомъ управлять этимъ кораблемъ пустыни, неуклюжимъ гигантомъ. Вотъ одинъ изъ упрямыхъ вер-

блюдовъ не желаетъ ложиться, кричитъ, фыркаетъ, плюется. Тотъ, кто знакомъ былъ раньше съ этимъ животнымъ, быстро справится съ нимъ, ну а кто не имѣлъ еще дѣла съ нимъ, ничего не можетъ подѣлать. Вдругъ раздаются крикъ и бѣготня. Что такое? Мы, удивленные, видимъ только, какъ неуклюжее животное дико несется уже далеко отъ бивака, лягаясь и стараясь сбросить вьюкъ. Оказывается, неумѣлый и неосторожный казакъ неловко началъ развьючивать одного изъ „злыхъ“ верблюдовъ, испугалъ его, и тотъ, сбросивъ съ себя часть развязаннаго вьюка, лягнулъ и вырвался изъ каравана и понесся по родной ему степи. Всѣ кричатъ, ловятъ, шумъ увеличивается, но нелегко поймать этого озвѣрѣвшаго великана степи; проходитъ много времени, затрачивается много труда, чтобы завернуть, пригнать обратно къ каравану верблюда. Но вотъ кто-то изъ членовъ экспедиціи какъ-то неловко задѣлъ за задъ своей лошади во время разсѣдлыванія. Дикій степнякъ ударилъ задомъ, еще и еще... вырвался и пошелъ, дико лягаясь и фыркая, скакать по степи; сѣдло, уже развязанное, падаетъ подъ ноги испуганному животному, степнякъ еще болѣе одичалъ и унесся далеко-далеко. Ловите его теперь... Часть казаковъ и рабочихъ бросились за верблюдомъ и лошадей, остальные едва удерживали оставшихся въ караванѣ животныхъ, чтобы и остальные, по примѣру убѣжавшихъ товарищей, не сдѣлали того же. Поймали, ведутъ... всѣ вздохнули. Пора ставить палатки. Шумъ, смѣхъ, шутки, остроты. Вотъ и палатки готовы; тащите постели, разставляйте кровати, разводите огонь, готовьте чай, ужинъ. Жизнь кипитъ ключемъ... Знакомая, родная картина... Закусили, попили чаю; по палаткамъ, пора и спать, завтра съ разсвѣтомъ подъемъ, и съ Богомъ въ новый переходъ.

Однако муравейникъ долго не можетъ успокоиться. Для многихъ изъ товарищей сегодня первый переходъ и остановка бивакомъ. Какая масса новыхъ невиданныхъ и неиспытанныхъ еще впечатлѣній! Невольный обмѣнъ мнѣній, взглядовъ, впечатлѣній. Но къ 12 часамъ бивакъ начинаетъ смолкать. Болѣе опытные, привыкшіе уже,—заснули. Вдругъ слышны колокольчики, топотъ коней, стукъ экипажей. Что такое?.. Это кяхтинскіе друзья рѣшили догнать экспедицію на первомъ ночлегѣ. Придуманно—сдѣлано. Лихія тройки готовы, и понеслись по степи. Вставайте, господа! Не стыдно ли спать на первомъ ночлегѣ? Хочешь, не хочешь, а надо подниматься изъ согрѣтой постели, изъ-подъ теплаго мѣхового одѣяла. Ночь проходитъ въ „чаепитіи“, закусываніи, выпиваніи; слышатся тосты, „ура“, веселье. Только къ тремъ часамъ утра бивакъ успокаивается. Заря занялась, вотъ и краешекъ солнца

начинаетъ чуть-чуть показываться на горизонтѣ. Жизнь ужъ проснулась, бивакъ ожилъ, всѣ ходятъ, шумятъ, слышно ржаніе лошадей, крикъ верблюдовъ. Уснуть ужъ невозможно. Досадно, но ничего не подѣлаешь, надо вставать, умываться, одѣваться. Вотъ ужъ и чайники съ чаемъ поданы въ палатки, разставляется посуда, накрывается импровизированный столъ. Широкій брезентъ разстилается прямо на землю, и на этомъ брезентѣ накрывается „столъ“. Одѣванье, чай занимаютъ добрый часъ времени, затѣмъ начинаемъ собираться въ походъ. „Лошадей не можемъ найти“,—докладываетъ урядникъ начальнику экспедиціи. Какъ, почему?—всѣ спрашиваютъ. „Дневальный заснулъ и лошадей прокараулилъ, почти весь табунъ куда-то ушелъ, и не могутъ найти“. Скверно для перваго начала. Долго-долго стоимъ взволнованные, разстроенные; наконецъ, почти черезъ часъ раздается крикъ: „гонять лошадей“. Ну, слава Богу! Общій облегченный вздохъ. Всѣ ли лошади? Всѣ. Ну съ Богомъ, сѣдлайте, завьючивайте верблюдовъ, пора торопиться, не дойдемъ до ночлега; придется ночевать въ степи безъ воды. Въ 10 часовъ караванъ и лошади готовы, съ Богомъ—въ путь...

Медленно, шагомъ вытянулся по дорогѣ караванъ верблюдовъ. Гордо поднявъ головы, верблюды идутъ легко и свободно, отпечатывая свои шаги, длиною до двухъ аршинъ; товарищи ѣдутъ шагомъ группами, обмѣниваясь впечатлѣніями, навстрѣчу изрѣдка попадаютъ двухколесныя арбы, запряженныя быками; везутъ бревна и дрова изъ Монголіи въ Кяхту. Вблизи Кяхты строевой лѣсъ уже вырубленъ, а въ прилегающемъ къ Кяхтѣ хошунѣ князя Намсарай-гуна много еще нетронутаго лѣса, и потому наши кяхтинскіе коммерсанты покупаютъ лѣсъ въ Монголіи. Подходимъ къ довольно большому перелѣску, и намъ открывается воочию печальная картина варварской рубки лѣса: прямо, какъ говорится, „Мамай воевалъ“; вырублены цѣлыя площади, взяты лучшіе куски деревьевъ, а остальные брошены гнить, засаривая лѣсъ. Караванъ обгоняется группой монголовъ, несущихся полнымъ карьеромъ. Впереди ѣдетъ хорошо одѣтый молодой лама, за нимъ скачутъ полнымъ карьеромъ ямщики. Это—какой-то чиновникъ Богдогыгена ѣдетъ „по уртонамъ“. Между Кяхтою и Ургою монгольскій почтовый трактъ всего 20 станцій (уртоновъ). Станція состоитъ изъ десяти—двадцати монгольскихъ юртъ, кочующихъ въ извѣстномъ районѣ. Эти юрты обязаны подавать лошадей проѣзжающимъ, такъ сказать, по казеннымъ надобностямъ. Чиновникъ для поѣздки „по уртонамъ“ получаетъ особое предписаніе на монгольскомъ языкѣ, и по предъявленіи его ему дается указанное число лошадей для него, его

Русское консульство въ Ургѣ.

Помѣщеніе конторы „Монгольскъ“ (бывшая контора Русско-Китайскаго Банка).

свиты, багажа и проводниковъ. Всѣ ѣдутъ верхами, такъ какъ экипажей нѣтъ, да и монгольскія лошади не умѣютъ ходить въ упряжи. Такая кавалькада отъ станціи до слѣдующей станціи несется полнымъ карьеромъ и проскакиваетъ станцію двадцать—двадцать пять верстъ въ часъ—полтора времени. Проскакавшая кавалькада вдругъ остановилась; оказывается, чиновникъ лама упалъ съ лошади, но, не выпуская изъ рукъ повода, онъ уже заскочилъ на лихого степняка и снова карьеромъ продолжаетъ свой путь. При выходѣ изъ лѣса обширная степная долина открывается взорамъ путешественниковъ; по степи мирно пасутся стада лошадей, гурты скота и овецъ, и вдоль по рѣчкѣ раскинуты отдѣльныя юрты. А это что за деревянная постройка? Здѣсь живетъ русскій съ семьей. Время подходитъ къ обѣду, всадники-члены экспедиціи далеко опередили медленно и ровно идущій караванъ. Значитъ, когда подойдетъ караванъ,—пора будетъ и обѣдать. Кстати, у русскаго и остановимся. Еще только второй день нашего путешествія, а какъ уже пріятно видѣть русскую хату; вѣроятно, тамъ можно найти самоварчикъ, попить чайку не изъ чайника, а „по-русски“, „по-домашнему“. „Стой!“ „Слѣзай!“ Оказалось, что у расторопной зимовщицы *), Богъ вѣсть какъ пристроившейся въ монгольской степи, оказался налицо: самоварчикъ, яички, свѣжая булка. Ура! Цѣлый пиръ! Черезъ четверть часа готовъ самоваръ и яйца. Вся наша компанія усаживается на деревянныхъ скамейкахъ. Закусили, попили чайку по домашнему, а вотъ подтягивается и нашъ караванъ. „Стой—обѣдать“. Вьюки быстро снимаются, лошади разсѣдываются. Верблюды и лошади отпускаются въ степь; приступаютъ къ варкѣ обѣда. Дрова подъ рукою,—запылали костры, многіе изъ членовъ экспедиціи принимаютъ дѣятельное участіе въ приготовленіи обѣда; рѣжется мясо, достаются консервы, подкладываются дрова. Обѣдъ готовъ. Подается котель, каждый беретъ свою большую деревянную чашку, исполняющую обязанность тарелки, отыскиваетъ свою ложку, и на раскинутомъ брезентѣ кругомъ котла весело усаживается экспедиція. Обѣдъ очень разнообразенъ: баранина вареная съ приправой сушеной зелени подъ разными наименованіями: „картофельный супъ“, „борщъ“, „щи“ и т. д., по существу же своему одно и то же: вареная баранина—да и только, но мы вѣримъ, что столъ нашъ ежедневно разнообразится: сегодня—„щи“, завтра—„борщъ“ и т. д. На второе на большой сковородѣ подается жареная баранина; здѣсь тоже разнообразіе блюдъ: сегодня баранина изрѣзана мелкими кусками, а

*) Сибиряки отдѣльныя хутора называютъ „зимовьями“.

завтра—болѣе крупными, а Гр. Ил. Колчевскій даже предложилъ дѣлать бараньи котлеты—и вышло отлично. На третье подается каша или компотъ. Затѣмъ—чай. Пора ловить лошадей и верблюдовъ; сѣдлайте, завьючивайте. Начинается горячая работа. Нѣкоторые изъ казаковъ никогда еще не выючили верблюдовъ и дѣлаютъ это неумѣло. А разъ неудачно завьюченъ верблюдъ, то вьюкъ набьетъ спину животнаго, и тогда—бросай верблюда; необходимъ внимательный надзоръ за каждымъ завьюченнымъ верблюдомъ. Много смѣшныхъ картинъ. Вотъ казакъ подтаскиваетъ вьюкъ къ верблюду, ничего не опасаясь, а злое животное подкарауливаетъ казака; только казакъ поравнялся съ мордою, какъ верблюдъ издаётъ свой оригинальный крикъ и плюетъ, обдавая казака съ ногъ до головы своею вонючею слюной. Крикъ, ругань и смѣхъ. Вотъ два неумѣлыхъ казака совсѣмъ положили вьюки на спину другого верблюда, а онъ вдругъ поднялся на весь свой огромный ростъ, лягнулъ вьюки; бѣготня, ловля бѣглеца. А время идетъ да идетъ. Неумѣлые отстранены отъ работъ при верблюдахъ, верблюды распредѣлены на группы, каждая группа передана двумъ казакамъ и монголу, вьюки опредѣлены каждой группѣ и сданы на руки. Верховыя лошади распредѣлены тоже по казакамъ, чтобы каждый зналъ своихъ лошадей, верблюдовъ, свои сѣдла и вьюки и больше чтобы путаницы не было. Наконецъ, вытянулся караванъ, и снова „печатаятъ“ верблюды, покачивая мѣрно на своихъ горбахъ тяжелые вьюки. Члены экспедиціи осматриваютъ стада скота, верблюдовъ, заѣзжаютъ въ юрты, знакомятся съ бытомъ монгола, осматриваютъ костюмы, утварь, обстановку. І. М. Морозовъ изучаетъ флору и почву, анализируетъ корма. Работа идетъ незамѣтно во время медленнаго движенія экспедиціи; кто пріотсталъ,—догоняетъ рысью, а кто выѣхалъ впередъ и присоединяется къ подходящему каравану. Солнце спускается въ горы, намъ предстоитъ или перевалить черезъ высокій хребетъ и ночевать по ту сторону, или остановиться передъ подъемомъ у рѣки. Взвѣшены шансы, рассчитано время. Нѣтъ, перевалить черезъ хребетъ съ караваномъ сегодня не успѣемъ. „Господа, поѣзжайте впередъ, выбирайте мѣсто для ночлега у рѣки передъ самымъ подъемомъ“,—предлагаетъ начальникъ экспедиціи. Мѣсто выбрано. Чудный уголокъ Монголіи. На высокомъ берегу рѣчки, изрѣдка покрытомъ деревьями, большая, ровная, зеленая поляна. Ну, значитъ такъ и будетъ. „Стой, разсѣдывай!“ Подходитъ караванъ, останавливается, опять начинается работа: вьюки стаскиваются въ кучу, покрываются брезентомъ, верблюды и лошади разсѣдланы и отпущены, палатки поставлены, кро-

вати, постели готовы, варится ужинъ. „Давайте, господа, пробовать ружья“. Давайте; начинается стрѣльба въ цѣль, а кто продолжаетъ изучать природу, жителей, скоть. Время летитъ быстро. Вотъ и темнѣетъ. „Давайте зажжемъ фонарь“; наши самодѣльные техники берутся за дѣло. Провозились долго, но загорѣлъ и фонарь. Поужинали и спать. Стемнѣло. Подогнули верблюдовъ и привязали ихъ всѣхъ рядомъ на одну тонкую веревочку. Не уйдутъ. Дневальные у лошадей больше не заснутъ, такъ какъ вчерашній дневальный былъ немедленно отправленъ обратно въ Россію, а остальнымъ объявлено, что со всякимъ уснувшимъ будетъ поступлено такъ же... На другой день въ 7 часовъ утра караванъ уже тронулся въ путь. Медленно, тяжело поднимается экспедиція на крутой перевалъ, сѣверный склонъ котораго, по обычаю, покрытъ хвойной растительностью. Любители-охотники пошли искать дичи... Поднялись. Какая чудная картина открывается взору путешественниковъ съ перевала! Обширныя степныя долины покрыты стадами и юртами, въ которыхъ тоже проснулась уже жизнь. „Господа, не закусимъ ли наскоро“. Предложеніе встрѣчается съ одобреніемъ. Появляются дорожныя фляжки, московская колбаса и, стоя вокругъ отдыхающаго каравана, „замаривается червячокъ“. А гдѣ же наши охотники? Начинаемъ кричать. Наконецъ, появляются, усталые, вымокшіе и, конечно, ничего не убившіе,—охотники, съ чудовищными рассказами о видѣнныхъ козахъ, медвѣдяхъ и т. д. Пора двигаться дальше. Спускъ по открытой степной долині. Южные склоны хребтовъ безъ деревьевъ, совершенно голые,—какъ и во всей Монголіи. Къ вечеру прибываемъ на довольно широкую рѣку Иро. Здѣсь имѣется паромъ, но, оказывается, есть и бродъ. Экспедиція пользуется послѣднимъ, и на лѣвомъ берегу раскинулся снова нашъ многолюдный бивакъ на ночлегъ. Монголы начинаютъ привыкать къ нашему существованію, подходятъ къ биваку, начинаютъ разговоры; кусокъ сахара, сухарь или кость баранины—наше угощеніе—дѣлаетъ хозяевъ страны еще смѣлѣе; вотъ они уже окружаютъ нашъ столъ и глядятъ прямо въ ротъ, наблюдая въ то же время всѣ детали нашихъ костюмовъ и обстановки. Любопытство нашихъ гостей по возможности удовлетворяется объясненіемъ. Начинается обмѣнъ мнѣній. Члены экспедиціи пользуются случаемъ, подробно спрашивая все, что ихъ интересуеть, чтобы составить себѣ представленіе объ экономическомъ положеніи страны. Кто это подѣхалъ къ рѣкѣ съ той стороны? Монголы даютъ объясненіе. Это китайскіе солдаты везутъ двухъ преступниковъ изъ Кяхты въ Ургу. Преступники-китайцы убили и ограбили китайскихъ купцовъ. „Хунхузы?“

„Да, они“. Интересно взглянуть. Двѣ телѣжки двухколесныя, на каждой изъ нихъ преступникъ: ноги и руки скованы желѣзными цѣпями, цѣпи замкнуты на замки къ телѣгѣ. Видъ китайцевъ преступниковъ ужасный: грязные растрепанные волосы, дикій блуждающій взглядъ. Кругомъ конный конвой изъ китайскихъ солдатъ. Преступники уже знаютъ, что въ Ургѣ съ нихъ снимутъ головы. Мы стоимъ пораженные картиной жестокаго обращенія съ преступниками. Проѣхать на двухколесной таратайкѣ прикованнымъ по монгольскимъ дорогамъ полнымъ карьеромъ—уже одно это путешествіе можно признать за серьезное наказаніе. Но преступники уже приговорены къ смерти и знаютъ, что миновать участи нельзя.

Вотъ одинъ изъ преступниковъ, проѣзжая мимо нашей группы, кричитъ „корошо“ и грустно намъ улыбается. Проскакалъ эскортъ и скрылся. Не попробовать ли счастья въ рыбной ловлѣ? Давайте. Нашлись охотники, закинули бродничокъ, но, кажется, ничего не поймали. Помокли, помокли, да такъ и бросили. Пора, господа, укладываться, да и спать: завтра большой и трудный переходъ на „Куйтунъ“ безъ воды, по горной дорогѣ.

Хмуро, небо кругомъ затянуло; что-то готовится непріятное. А караванъ вытянулся и поднимается изъ широкой долины Иро въ гору. Накрапываетъ дождь. Мы начинаемъ въ первый разъ примѣнять наши непромокаемые плащи. Имѣются у всѣхъ бурки, да нельзя ихъ надѣть: дикія монголки-лошади боятся черной бурки какъ какого-нибудь чудовища: храпятъ, бьютъ задомъ, и сѣсть на нихъ нельзя. Дождь накрапываетъ все сильнѣе и сильнѣе. Вотъ и гроза въ сопровожденіи настоящаго ливня. Черезъ часъ—два всѣ „непромокаемые“ плащи уже промокли, а нѣкоторые изъ товарищей одѣлись совершенно легко, не ожидая такой „пріятной“ погоды. Поднялись на горный хребетъ, безлѣсный, степной. Сильный холодный вѣтеръ съ дождемъ пронизываетъ насквозь путешественниковъ. Всадники начинаютъ поторапливать лошадей, наиболѣе продрогшіе поѣхали рысью, а караванъ верблюдовъ идетъ еще тише. Верблюды скользятъ по глинистой дорогѣ и падаютъ, вьюки развьючиваются, скорость движенія каравана самая ничтожная. Можно бы остановиться и обождать, пока пройдетъ дождь, да негдѣ—воды нѣтъ. Надо итти... Члены экспедиціи рысью уѣхали впередъ и часамъ къ 4, безъ всякаго привала, прибыли въ долину р. Куйтунъ. Долина населена довольно густо, у самой дороги раскинулось больше десятка юртъ. Заѣзжаемъ въ болѣе крупную юрту. Кругомъ очага сидитъ нѣсколько монголовъ, хозяйка-монголка хлопо-

четь около чайниковъ и чаши, варить чай. Мы, мокрые, продрогнувшіе, входимъ безцеремонно въ юрту. Гостепріимные монголы тотчасъ же освобождаютъ мѣсто поближе къ очагу. Товарищи быстро снимаютъ промокшую обувь, костюмы и начинаютъ сушиться. Покупаемъ баранины, начинаемъ сами себѣ варить обѣдъ, хозяйка угощаетъ насъ своимъ чаемъ. Что за чай!.. Огромная плоская чугунная чаша наполнена водою, въ эту кипящую воду спускается такъ-называемый зеленый кирпичный чай, затѣмъ грязною поваренкою хозяйка изъ еще болѣе грязнаго сосуда наливаетъ молоко, и все это перемѣшиваетъ, бросается туда же соль, и „чай“ готовъ. Бурое своеобразное питье, называемое чаемъ, имѣетъ свой особый „монгольскій“ вкусъ. но намъ не до вкуса, лишь бы чѣмъ-нибудь согрѣться. У кого-то оказался въ дорожной фляжкѣ коньякъ; какое великое благодѣяніе! Рюмка коньяку согрѣваетъ весь организмъ, а стаканъ горячаго питья и кусочекъ поджаренной на палочкѣ баранины (импровизированный шашлыкъ)—поднимаютъ утомленный скверной дорогою нашъ духъ. Чулки, сапоги и прочія части костюма нѣсколько подсохли, можно и одѣваться. Приѣхали наши телѣги кое съ какимъ багажомъ и пищей. А гдѣ же караванъ? Не дошелъ до Куйтуна. Верблюды остановились, падаютъ и итти дальше не могутъ; поэтому караванъ заночевалъ въ степи; надо послать ему туда дровъ и воды. Но монголамъ не хочется ѣхать; наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ серебро заставляетъ ихъ превозмочь свою лѣнь. Снаряжаемъ двѣ монгольскія фуры и отправляемъ каравану дровъ и воды. Ночь наступаетъ быстро. Гдѣ же будемъ спать? Палатки наши въ караванѣ. Едва уговариваемъ монголовъ уступить для ночлега юрту, которую намъ и отводятъ. Пока идутъ всѣ эти разговоры и хлопоты, одинъ изъ товарищей, наиболѣе другихъ продрогшій и менѣе приспособленный къ такой жизни, завалился спать на хозяйскую постель монгольской семьи, укутавшись всѣмъ грязнымъ тряпьемъ, которое валялось на этой постели. Изъ насъ: кто не замѣтилъ, а кто и не обратилъ на это вниманіе. Но только замѣтили мы черезъ нѣкоторое время, что монголы, бывшіе столь любезными до сихъ поръ, рѣзко измѣнили свое поведеніе. Въ чемъ дѣло? Черезъ нѣсколько минутъ дѣло разъясняется. Оказывается, что по монгольской этикѣ лечь на кровать монгольской семьи чужому мужчине—значитъ нанести этой семьѣ самое большое оскорбленіе. Конечно, мы растолкали нашего товарища, вытащили его съ постели, извинились передъ хозяиномъ юрты, объяснили поступокъ полнымъ незнаніемъ обычаевъ, но однако добиться вновь гостепріимной любезности намъ уже не удалось.

Устроились на ночлегъ въ пустой юртѣ, служившей монголамъ складомъ всего сырья. Но ничего, все-же лучше, чѣмъ ночевать подъ открытымъ небомъ. А когда устроили свои постели, то, завернувшись въ мѣховыя одѣяла, почувствовали себя, послѣ испытаннаго въ этотъ день, какъ въ самой лучшей гостиницѣ, и крѣпко заснули. На завтра только въ полдень прибылъ и нашъ караванъ. Погода исправилась. День былъ ясный. Необходимо было дать отдыхъ верблюдамъ. Раскинули бивакъ на берегу рѣки Куйтунъ и рѣшили здѣсь ночевать.

Три дня, пройденныхъ съ караваномъ, при неудачной погодѣ привели членовъ экспедиціи къ выводу, что при такомъ путешествіи караванъ будетъ очень стѣснять движеніе къ Ургѣ и задержать напрасно на нѣсколько дней, безъ всякой для всѣхъ членовъ пользы. Нѣкоторые стали предлагать отправить караванъ отдѣльно, а членамъ экспедиціи взять самое необходимое на три телѣги и слѣдовать въ Ургу, чтобы такимъ образомъ выиграть нѣсколько дней для работы въ Ургѣ. Такъ и было рѣшено. На утро тронулись въ дальнѣйшій путь, оставивъ при караванѣ І. М. Морозова и А. П. Соболева. Разница при такомъ раздѣленіи получилась небольшая, но нѣкоторыя удобства для путешественниковъ были всетаки приобрѣтены, да и въ Ургу мы успѣли пріѣхать на два дня раньше каравана, что было очень полезно, такъ какъ за эти дни мы успѣли приготовить квартиру и осмотрѣться въ Ургѣ. Потянулись однообразные дни путешествія: утромъ ранній чай, съ легкою закускою, затѣмъ снаряженіе въ путь, походъ до полудня, остановка для обѣда на два часа и вновь въ путь до вечера, часовъ въ 7 вечера остановка на ночлегъ, покупка барана, устройство на ночь, обмѣнъ дневными впечатлѣніями и крѣпкій здоровый сонъ до утра. Вотъ миновали: Монхатой-гору, долины Баинъ-голь, Хараголь, Куй, покрытыя уже почти сплошь пашнями китайскихъ фермъ, прилѣпившихся въ долинахъ возлѣ рѣчекъ. Пашни разработаны хорошо, хотя и не такъ, какъ въ Маньчжуріи или Китаѣ, но собирается съ нихъ довольно много хлѣба и овощей; все продается на пріиски въ долину Иро; а вотъ и послѣдній большой перевалъ передъ самою Ургою. Очень крутой подъемъ на „Талагой“, по прекрасно устроенной извѣстнымъ предпринимателемъ въ Монголіи Гротомъ колесной дорогѣ отнялъ два часа времени, спускъ болѣе легкій; тамъ за этою послѣдней складкой и Урга. Солнце уже закатилось, быстро наступаетъ темнота, а города все нѣтъ, какъ нѣтъ. Подгоняемъ своихъ лошадей, поторапливаемся и поздно-поздно входимъ въ Ургу. Наконецъ, первый пунктъ остановки для нашего путешествія. Десять дней по

Монголіи миновали, и 320 верстъ пути сдѣлано. Говорятъ, что насъ ожидаютъ въ консульствѣ, тамъ все для насъ приготовлено, но насъ это не устраиваетъ; намъ необходимо остановиться въ торговой части города, такъ какъ мы предполагаемъ открыть свою торговлю на нѣсколько дней. Рѣшено, что остановимся въ торговой части Урги, и потому заѣзжаемъ къ Н. Я. Юшину, ургинскому старожилу, купцу. Юшинъ насъ въ этотъ день не ожидалъ, хотя два товарища, выѣхавшіе въ этотъ день съ ночлега впередъ, и были уже у него, но и они не думали, что мы сегодня сдѣлаемъ такой большой переходъ. Едва достучались; спустя много времени открыли намъ ворота, и любезный хозяинъ приглашаетъ въ домъ. Наконецъ-то мы въ настоящемъ русскомъ домѣ; какъ-то странно, даже неловко сѣсть на мягкую мебель въ гостиной; неужели за 10 дней уже отвыкли отъ культурной обстановки! Начались разговоры про послѣдніе дни пути, принесли письма изъ Россіи; кто получилъ, доволенъ и забылъ все окружающее, съ особеннымъ чувствомъ глубокой тоски прочитываетъ наскоро письма изъ дома, отъ жены, дѣтей, родителей, а кто не получилъ писемъ,—еще болѣе чувствуетъ тяжесть оторванности отъ родной стороны. „Пожалуйте чай пить и закусывать, чѣмъ Богъ послалъ“,—приглашаетъ любезный хозяинъ. Трапеза затянулась далеко за полночь, а дождь въ эту ночь такъ и поливалъ ургинскія улицы. И какъ хорошо себя чувствовать въ теплѣ, подъ хорошею крышей, въ семейной обстановкѣ, за прекрасно сервированнымъ столомъ, въ эту непогоду и сознавать, что завтра уже не поѣдемъ, а сегодня намъ не придется мерзнуть въ нашихъ походныхъ постеляхъ и на мокрой землѣ, въ палаткахъ, насквозь промокаемыхъ. Пора и спать. Однако улеглись не раньше трехъ часовъ утра, несмотря на усталость большого перехода.

Утромъ первымъ дѣломъ отыскали квартиру, перетасили свои **Въ Ургѣ.** монатки и отправились всѣмъ составомъ съ визитомъ къ нашему маститому консулу Я. П. Шишмареву. Почтенный представитель русскихъ интересовъ въ Монголіи встрѣтилъ экспедицію, такъ сказать, съ распростертыми объятіями; наговорилъ массу любезностей, самыхъ сердечныхъ пожеланій успѣховъ экспедиціи и высказалъ рядъ своихъ цѣнныхъ наблюдений о положеніи торговли въ настоящее время и надеждъ на будущее. Наблюденія и выводы Я. П. Шишмарева особенно драгоценны, такъ какъ основаны на 40-лѣтнихъ непосредственныхъ наблюденіяхъ надъ нашей торговлей. Поговоривъ съ Я. П. Шишмаревымъ, экспедиція сдѣлала визиты остальнымъ членамъ консульской колоніи и возвратилась въ Ургу.

Теперь надо осмотрѣться, что такое Урга. Урга, это—собственно центральный ламайскій монастырь сѣверной Монголіи, т.-е. всей Халки. Въ этомъ монастырѣ, говорятъ, сосредоточено до 10000 монаховъ-ламъ, сюда стекаются ежедневно тысячи паломниковъ, отсюда распространяются по всей Монголіи ламайская культура и знаніе, здѣсь проживаетъ „Богдо-гыгенъ“. Ламаизмъ—національная религія монголовъ; роль ламаизма въ жизни Монголіи огромная, а потому центръ Халкинскаго ламаизма—Ургу—нужно считать и центромъ Халки. Около этого монастыря, называемаго монголами „Богдо-курень“, сосредоточились прежде всего торговцы, какъ русскіе, такъ и китайскіе; число послѣднихъ съ каждымъ годомъ увеличивалось; сначала эти торговцы обслуживали, такъ сказать, только монастырь, а затѣмъ стали распространять торговое вліяніе и на кочевья; создались операціи распредѣлительныя, а затѣмъ и оптовыя. Богдо-курень населился не только ламами, но и китайскими и русскими торговцами, а вокругъ послѣднихъ появились ремесленники, мелкіе торговцы, агенты, маклеры и т. д. Выросъ большой городъ, расположенный на правомъ высокомъ берегу рѣки Толы; собственно „курень“ состоитъ изъ монастырскихъ построекъ, нѣсколькихъ улицъ китайскихъ магазиновъ и складовъ, затѣмъ нѣсколькихъ дворовъ русскихъ купцовъ и просто домохозяевъ, двухъ большихъ рыночныхъ площадей и, ближе къ рѣкѣ, нѣсколькихъ усадебъ монгольскихъ князей, временами пріѣзжающихъ сюда для поклоненія Богдо-гыгену. Долина рѣки Толы съ лѣвой стороны ограничена очень высокимъ хребтомъ, покрытымъ густымъ дѣвственнымъ лѣсомъ; называется этотъ хребетъ Богдо-ула (т.-е. гора Бога). Лѣсъ и все, что растетъ на этомъ хребтѣ, посвящено Богдо-гыгену и потому неприкосновенно. У подошвы горы, на лѣвомъ берегу Толы, раскинулись дворцы Богдо-гыгена: двухъ-этажный каменный домъ, окруженный садами и охраняемый ламами, и нѣсколько одноэтажныхъ деревянныхъ усадебъ, резиденцій Богдо-гыгена въ разное время года. Нѣсколько выше по р. Толѣ, почти примыкая къ куреню, на правомъ же берегу, расположены китайскія официальные учрежденія—„ямынь“ (губернское управленіе), казармы, домъ амбана (губернаторъ), тюрьма и т. д.

Вотъ это—первая часть города Урги, самая населенная и самая важная. Помимо жизненной важности этой части города, она отличается еще особой исключительной для населеннаго пункта грязью. Улицы, можно сказать, непроходимы не только отъ грязи естественно почвенной, но и отъ грязи свалочной, такъ какъ всякіе отбросы и отправленія всякаго рода естественныхъ нуждъ совершаются прямо на улицѣ; бли-

Дворецъ Богдогыена въ Ургъ.

Кумирня Майдаръ.

жайшія же окрестности города прямо обращены въ свалочное мѣсто, охватывающее кольцомъ городъ. При страшной нечистоплотности монголовъ, да и китайцевъ, эта особенность города съ каждымъ годомъ усиливается, вмѣстѣ съ ростомъ населенія. Единственными благодѣтелями населенія являются собаки. Стаи голодныхъ никому не принадлежащихъ огромныхъ собакъ окружаютъ огромный городъ со всѣхъ сторонъ, и питаются онѣ только отбросами. Днемъ пройти за городъ еще безопасно, ибо днемъ собаки ведутъ себя болѣе или менѣе скромно, но съ наступленіемъ темноты „ургинскіе санитары“ дѣлаются звѣроподобными, и опоздавшій путникъ, при желаніи попасть въ городъ, рискуетъ быть съѣденнымъ голодными собаками. Товарищамъ по экспедиціи неоднократно приходилось прибѣгать въ такихъ случаяхъ къ оружію; не вооруженные револьверами мы по вечерамъ не выходили.

Верстахъ въ трехъ, выше по долинѣ Толы, на высокомъ плато находится русское консульство, состоящее изъ большого двухъ-этажнаго каменнаго дома консула съ храмомъ и цѣлаго ряда построекъ для служащихъ консульства и нѣскольکو частныхъ домовъ, среди которыхъ особенно выдаются усадьбы, принадлежавшія прежде Бодмаевымъ, и роскошныя, но пустыя постройки русско-китайскаго банка. Мѣсто, отведенное подъ консульство, огромное, прекрасное, отдѣлено рвомъ, но, къ сожалѣнію, не застраивается. За 40 лѣтъ существованія русскаго консульства, при поразительно благопріятной обстановкѣ, сдѣлано нами такъ мало, что нужно поражаться нашей бездѣятельности и тому запустѣнію, которое производитъ на свѣжаго человѣка русское консульство. Постоянныхъ русскихъ жителей въ Ургѣ насчитываютъ 600 человѣкъ; такая большая русская колонія рѣшительно ничѣмъ себя не заявила. Разбросанная, разрозненная, конкурирующая въ грошевыхъ расчетахъ между собою, неимѣющая общественныхъ идеаловъ и задачъ, влачить русская колонія жалкое существованіе, не создавъ за многолѣтнее свое существованіе не только господствующаго, вліятельнаго положенія, но даже сколько-нибудь замѣтнаго, отличительнаго характера. Взгляните на единственный разсадникъ просвѣщенія: Ургинскую переводческую школу. Старыя развалившіяся постройки похожи не то на большую, негодную къ жизни, кухню, не то на какой-то сарай. Въ большой двенадесятый русскій праздникъ Св. Троицы въ храмѣ, единственномъ, заброшенномъ отъ родины на сотни верстъ среди монгольскихъ степей, въ центрѣ ламаизма,—совершается богослуженіе, и ни одного молящагося изъ 600 русскихъ жителей. Вѣроятно, не хватило

времени посѣтитъ храмъ даже въ такой великій день.. Все грошевые расчеты.

Еще выше по долинь р. Толы, верстахъ въ 4 отъ консульства, раскинулся, тѣсно и по-китайски благоустроено, китайскій городокъ: ургинскій маймачень. Прямые улицы, нѣкоторыя даже благоустроенныя, обширные дворы, съ хорошими фанзами, и огромные склады, большой роскошно обставленный храмъ, общественное собраніе, нѣчто въ родѣ биржи, торговый банкъ, телеграфъ; городъ управляется выборными старшинами. Этотъ городокъ собственно слѣдуетъ признать центромъ монгольской торговли, такъ какъ въ немъ главнымъ образомъ сосредоточены крупные оптовые склады богатѣйшихъ фирмъ, раскинувшихъ свои дѣла во всѣхъ уголкахъ обширной Монголіи; эти склады имѣютъ прямые сношенія съ Китаемъ, отпуская отъ себя товары во второстепенные склады разныхъ городовъ, хошуновъ и монастырей Монголіи. Есть фирмы, обороты которыхъ достигаютъ до 2-хъ милліоновъ рублей въ годъ. Недавно еще открывшійся банкъ сильно развиваетъ свои операціи, поддерживая, главнымъ образомъ, китайцевъ.

Итакъ, Урга состоитъ изъ трехъ частей: „Курень“, „Консульство“ и „Маймачень“.

Къ характеристикѣ дѣятельности въ Ургѣ русскихъ и китайцевъ не лишне, можетъ-быть, будетъ рассказать, какъ насъ встрѣтила Урга.

Торговая экспедиція, снаряженная крупнѣйшими русскими промышленно-торговыми фирмами, конечно, должна была бы сильно импортировать. Что же мы увидѣли въ Ургѣ? Наше правительство хотѣло непременно придать больше блеску экспедиціи, и потому заранѣе объ этомъ было предупреждено консульство; консула просили устроить блестящую встрѣчу, даже выслать навстрѣчу почетный конвой отъ сотни казаковъ, стоящей безъ всякаго дѣла въ Ургѣ. Какъ уже выше было сказано, экспедиція скромно, ночью, въѣхала въ Ургу, едва добилась возможности укрыться отъ непогоды подъ крышу на ночлегъ. Русская торговая колонія знала, что идетъ московская экспедиція, но не только ничего не предприняла, чтобы сдѣлать изъ появленія экспедиціи національное дѣло, „русскій праздникъ“, но спряталась и почти враждебно встрѣтила московскихъ посланныхъ. Консуль побоялся уронить свое превосходительное достоинство личной встрѣчей экспедиціи, начальникъ конвоя нашель какой-то предлогъ выѣхать совсѣмъ изъ Урги. Не встрѣтивши русскую крупную спеціально торгово-промышленную экспедицію, пришедшую на помощь русскому дѣлу въ Монголіи, русская колонія и дальше держала себя далеко отъ экспедиціи. Товарищи,

члены экспедиціи, сами пошли съ визитами къ коммерсантамъ Урги, посѣтили ихъ магазины; конечно въ разныхъ мѣстахъ ихъ встрѣчали различно, нѣкоторые приглашали къ себѣ отдѣльныхъ членовъ домой. Но общаго національнаго дѣла не было. Нужно же было хотя бы разъ собраться вмѣстѣ и обсудить, въ какой поддержкѣ нуждается наше русское дѣло въ Монголіи, какими путями Россіи развивать свое дѣло въ Монголіи, чѣмъ можетъ помочь экспедиція. И вотъ при содѣйствіи консула и, такъ сказать, мѣстныхъ властей (старшины), по повѣсткѣ, въ квартиру экспедиціи едва собрались нѣсколько коммерсантовъ. Говорили долго и много, но все больше жалобы на правительство, на консульство, на промышленность. Широкихъ взглядовъ, обобщительныхъ выводовъ—исторіи и сущности торговли не услышала экспедиція.

Китайскіе коммерсанты, при первомъ намекѣ на желаніе поговорить сообща, устроили это дѣло блестяще. Они пригласили экспедицію къ себѣ въ Маймаченъ, гдѣ въ общественномъ собраніи устроили торжественную, блестящую встрѣчу; въ парадныхъ костюмахъ старшины купечества и виднѣйшіе представители крупныхъ фирмъ всѣ были вмѣстѣ, всѣ радушно встрѣчали московскую экспедицію, во время гостепріимнаго завтрака начался оживленный весьма интересный обмѣнъ мнѣній по торговымъ вопросамъ. Китайскіе коммерсанты отлично знаютъ Москву и ея производительность, они понимаютъ и значеніе экспедиціи. Поскольку возможно въ коммерческомъ дѣлѣ, съ достаточно откровенностью объясняли намъ китайскіе коммерсанты сущность экономическаго положенія Монголіи, характеръ и условія торговли въ Монголіи, операціи банковъ, китайскихъ фирмъ, причины пониженія или увеличенія оборотовъ, повышенія цѣнъ на товары, условія обмѣна товарами между Китаемъ и Россіей, причины, дурно вліяющія на этотъ обмѣнъ, и т. д. Словомъ, обмѣнъ мнѣній живой, интересный, достаточно свободный и откровенный.

Наши члены экспедиціи, представители фирмъ, съ живымъ интересомъ слушали, записывали и спрашивали. Послѣ завтрака намъ показали храмъ, затѣмъ просили посѣщать склады, магазины, гдѣ намъ покажутъ все, что насъ можетъ интересовать. На слѣдующій день китайскіе купеческіе старшины были у насъ съ отвѣтнымъ визитомъ, осматривали товары, образцы, и продолжался интересный обмѣнъ мнѣній.

На третій день послѣ прибытія нашего въ Ургу пришелъ и нашъ караванъ товаровъ. Закипѣла работа... Нужно было устроить выставку товаровъ и открыть свою торговлю. Почти въ одинъ день все было устроено.

14 іюня предполагали открыть нашу торговлю, но въ 9 часовъ утра пріѣхали два монгольскихъ князя съ большою свитою: князь Ханъ-да-Цинъ-Ванъ и князь Намсарай-гунъ. Оказалось, что оба князя очень вліятельные въ Монголіи по величинѣ и богатству своихъ хошунъ и близкіе князя Богдо-гыгена. Посѣщеніе ими нашей торговли-выставки поэтому являлось чрезвычайно важнымъ въ глазахъ монгольскаго населенія и особенно въ глазахъ ургинскаго населенія. Князьямъ были показаны товары, образцы и было предложено угощеніе. Умный, живой, развитой князь Ханъ-да-Цинъ-Ванъ произвелъ очень хорошее впечатлѣніе; по окончаніи визита князь предложилъ намъ въ 2 часа пожаловать во дворецъ Богдо-гыгена съ товарами. Это было предложеніе очень интересное и важное. Еще наканунѣ мы обращались къ нашему консулу за содѣйствіемъ устроить намъ возможность побывать у Богдо-гыгена и показать ему наши товары. Но консулъ опредѣленнаго обѣщанія намъ не далъ, говоря, что это устроить очень трудно и что даже князю Ухтомскому не удалось побывать у Богдо-гыгена. Пришлось обойтись безъ помощи консула, и вечеромъ при содѣйствіи одного монгольскаго крупнаго дѣятеля все дѣло устроилось просто и быстро. Въ 2 часа дня мы всѣмъ составомъ экспедиціи, съ двумя возами товаровъ, были уже у Богдо-гыгена.

Богдо-гыгенъ принялъ насъ во дворѣ своей резиденціи. Сначала онъ къ намъ не вышелъ, а выходила только его жена и князь Ханъ-да-Цинъ-Ванъ; черезъ нихъ мы передавали наши товары. Богдо-гыгенъ осматривалъ всѣ товары и, что ему нравилось, выбиралъ, рядился въ цѣнѣ; наконецъ, самъ началъ насъ угощать музыкой на грамофонѣ, ставя пластинки русскихъ народныхъ пѣсенъ и спрашивая насъ, нравится ли это намъ. Характеръ пріема былъ такой, какой онъ дѣлалъ всѣмъ купцамъ какъ русскимъ, такъ и китайскимъ, т.-е. на дворѣ. Сначала это насъ нѣсколько шокировало, но потомъ непріятное впечатлѣніе сгладилось особою любезностью Богдо-гыгена, который потомъ вышелъ къ намъ изъ своей комнаты и даже спустился во дворъ, благословивъ нашихъ бурятъ-казаковъ и проводниковъ-ламаитовъ, угостивъ насъ русскою музыкою, отобравъ достаточно много товара и сдѣлавъ заказъ въ Москву. Изъ всей этой встрѣчи получилось впечатлѣніе, что Богдо-гыгенъ по этикету, не предупрежденный заранее, на своей лѣтней дачѣ не могъ принять насъ иначе, но любезность оказалъ исключительную. Среди насъ былъ волонтеръ экспедиціи молодой русскій композиторъ Б. Б. Красинъ. Онъ предложилъ мысль: спросить, нѣтъ ли у Богдо-гыгена піанино; онъ бы ему что-нибудь сымпровизи-

роваль изъ монгольскихъ пѣсенъ, такъ какъ пріѣхалъ въ Монголію собирать мотивы. Піанино не оказалось, но нашлась фисгармонія. Немедленно ее намъ вытащили на дворъ. Б. Б. Красинъ, несмотря на то, что фисгармонія была попорчена, сѣлъ за инструментъ и взялъ нѣсколько аккордовъ, спросивъ насъ, что сыграть. Кто-то предложилъ: русскій гимнъ. Раздались торжественные мощные звуки нашего, родного сердцу русскому, народнаго гимна „Боже Царя храни“ и понеслись среди монгольской степи. Мы всѣ встали, сняли шляпы и торжественно окружили виртуоза. Богдо-гыгенъ съ женою, князьями и всею свитою вышли изъ своей комнаты, и когда ему объяснили, что играется, тоже сняли свои головные уборы и торжественно молчаливо прослушали гимнъ Цаганъ-Хану (Бѣлому Царю) во дворцѣ національнаго главы монголовъ Богдо-гыгена. По окончаніи гимна экспедиція прокричала „ура“, и гимнъ былъ повторенъ еще два раза: одинъ разъ—по желанію Богдо-гыгена. Получилась совершенно неожиданная, импровизированная какъ бы политическая демонстрація. Послѣ гимна Б. Б. Красинъ сыгралъ „Славу“ Богдо-гыгену и получилъ искреннюю признательность его; мы и „Славу“ прослушали, стоя съ открытыми головами. Затѣмъ было сыграно нѣсколько монгольскихъ пѣсенокъ, тутъ же съимпровизированныхъ композиторомъ, чѣмъ былъ приведенъ въ изумленіе и восторгъ Богдо-гыгенъ и его окружающіе; особенно шумно выражала свой восторгъ жена Богдо-гыгена. Послѣ этого импровизированнаго концерта, даннаго нами въ отвѣтъ Богдо-гыгену за его угощеніе насъ русскими пѣснями на грамофонѣ, самимъ имъ выбранными и поставленными, Богдо-гыгенъ презентовалъ намъ свой личный портретъ и просилъ насъ заказать въ Москвѣ напечатать его портреты. Любезность эту мы рѣшили тутъ же сдѣлать; Г. И. Колчевскій взялся все это устроить. Послѣ небольшого совѣщанія мы рѣшили всѣ отобранные Богдо-гыгеномъ товары подарить ему отъ „Москвы“, что тутъ же и привели въ исполненіе. Тогда Богдо-гыгенъ, чтобы, очевидно, не остаться въ долгу, сдѣлалъ заказъ разныхъ товаровъ изъ Москвы и тутъ же уплатилъ впередъ тысячу съ лишнимъ рублей денегъ за сдѣланный заказъ. Визитъ нашъ затянулся очень долго, только къ семи часамъ вечера мы вернулись домой. Кстати упомянуть, что во время нашего визита мы имѣли случай лично наблюдать, какъ наши ургинскіе коммерсанты умѣло и безцеремонно эксплуатируютъ Богдо-гыгена, продавая ему всякій хламъ за цѣну, превышающую въ десять разъ ихъ стоимость. Такъ что черезъ день-два къ намъ пріѣзжали отъ Богдо-гыгена его придворные, прося еще принять нѣсколько заказовъ, и

говорили, что Богдо-гыгенъ сказалъ: „Это—настоящіе русскіе купцы, а не эксплуататоры; у такихъ можно покупать“. Но мы пріѣхали не торговать, а изучать, въ противномъ случаѣ такой обстановкой можно бы сразу воспользоваться и составить сразу прочное положеніе торговому предпріятію не только въ Ургѣ, у монастырскаго населенія, но думается, что, при покровительствѣ Богдо-гыгена, ламъ и князей,—и во всей Монголіи. Конечно, нужно только ставить дѣло коммерчески, а не хищнически.

Въ слѣдующій день рано утромъ открыли мы свою торговлю. Весь день торговля шла очень ходко, народу перебивало много: китайцы, монголы и русскіе толпились цѣлыми днями. Для насъ было важно лично наблюдать, въ какой мѣрѣ, какой товаръ, по какой цѣнѣ можетъ идти; первые дни торговали нѣкоторые изъ членовъ экспедиціи сами, а затѣмъ торговлю велъ главнымъ образомъ Ар. П. Соболевъ и казаки; наблюденія получались интересныя.

15 іюня были съ официальнымъ визитомъ у китайскаго амбана (губернаторъ), извѣстнаго Сандо. Молодой, образованный и энергичный китайскій губернаторъ сталъ въ натянутыя отношенія къ Богдо-гыгену, какъ сторонникъ полной аннексіи Монголіи и превращенія ея въ китайскія провинціи. Встрѣтилъ онъ насъ любезно и довольно торжественно, велъ очень оживленный обмѣнъ мнѣній, высказывалъ нѣкоторые взгляды на положеніе Монголіи, на торговлю, на значеніе Ургино-Кяхтинской желѣзной дороги, спрашивалъ насъ.

Остальные дни въ Ургѣ экспедиція провела, изучая въ деталяхъ торговлю, раздѣляясь группами и посѣщая лавки, рынки, склады, или принимая у себя китайцевъ, монголовъ, князей; даже пріѣзжали къ намъ многія монгольскія дамы-княгини, кое-что покупали, смотрѣли.

По вечерамъ экспедиція собиралась и обмѣнивалась впечатлѣніями по программѣ экспедиціи.

Наконецъ, пора было двигаться и дальше.

25 іюня снарядились въ далекій путь черезъ Гоби въ Калганъ С. А. Вильгузъ и А. П. Лельковъ. Спасибо большому начальнику ургинской почтово-телеграфной конторы г. Бордаковскому за его любезное содѣйствіе къ отправленію этого отдѣленія экспедиціи. Онъ устроилъ все для этого путешествія, уступивъ и фудутунку, въ которой должны были нѣсколько недѣль прожить наши товарищи въ тяжеломъ пути черезъ Гоби, въ самое жаркое время, въ іюль. — Жилище не важное: двое въ этомъ экипажѣ могли размѣститься только бокомъ и съ согнутыми ногами. Пожелали счастливаго и удачнаго путешествія нашимъ товарищамъ, и стали собираться и мы въ путь.

26-го выступилъ отрядъ экспедиціи по направленію на Заинь-Шаби съ В. Л. Поповымъ во главѣ; а потомъ уже вышелъ и отрядъ во главѣ съ І. М. Морозовымъ,—на Селенгу.

Партія, направляющаяся по этому пути, была довольно многочисленная: пять членовъ экспедиціи и 9 казаковъ. Опытъ путешествія верхомъ, въ сопровожденіи большого каравана, съ медленнымъ движеніемъ, въ жару, непогоду, со всѣми присущими этому способу путешествій неудобствами былъ достаточно испытанъ членами экспедиціи: теперь уже они—не новички въ путешествіи. Учиться путешествовать больше не стоило. Дальнѣйшее движеніе необходимо посвятить на глубокое изученіе кочевой жизни монгола, его обстановки и торговаго дѣла въ кочевьяхъ. Жара наступала въ Монголіи невыносимая. Іюль мѣсяцъ въ степяхъ Монголіи самый жаркій. Караваны верблюдовъ и быковъ въ это время днемъ не ходятъ, а выступаютъ съ биваковъ съ наступленіемъ сумерокъ и идутъ всю ночь до утра, а день отдыхаютъ. Членамъ экспедиціи итти при такихъ условіяхъ съ караваномъ было бесполезно: ночью ничего и никого не увидишь и ничего не узнаешь. Приходилось комбинировать путешествіе особымъ образомъ. Рѣшено было, что караванъ будетъ итти ночью, а мы будемъ ѣхать днемъ, догоняя другъ друга на ночлегахъ. Дорога, избранная нами, называется главнымъ караваннымъ путемъ между Ургою и Улясутаемъ, вполне удобная для движенія въ экипажѣ. При такихъ условіяхъ не было нужды членамъ экспедиціи ѣхать весь путь верхами. Рѣшено было снарядиться въ два эшелона: первый — четыре телѣги, въ которыхъ ѣхали члены экспедиціи, имѣя при себѣ самый необходимый въ пути багажъ, палатки и небольшой запасъ продовольствія; второй эшелонъ— 20 верблюдовъ съ Ар. П. Соболевымъ и казаками—двигался по ночамъ отдѣльно.

Въ 5 часовъ дня 26 іюня тронулись по долину р. Толы на западъ. Знойный день еще не склонялся къ закату, солнце пекло адски; всѣ члены экспедиціи ѣдутъ рядомъ съ караваномъ. Вышли за городъ. „Стой! Ну, до добраго свиданія, товарищи. Дай Богъ всякаго благополучія, черезъ мѣсяцъ увидимся въ Улясутаѣ“. Посыпались привѣтствія другъ другу раздѣлявшейся на партіи экспедиціи. Одинъ изъ товарищей уѣзжалъ изъ Урги обратно въ Россію, въ Москву. Съ Богомъ впередъ! Унылая, однообразная пустынная природа монгольской степи, сжигаемой знойнымъ іюньскимъ солнцемъ, потянулась передъ путешественниками; кое-гдѣ виднѣются одинокія юрты, прилѣпившіяся къ рѣчкѣ, да развѣ вольные табуны степняковъ лошадей разнообразятъ

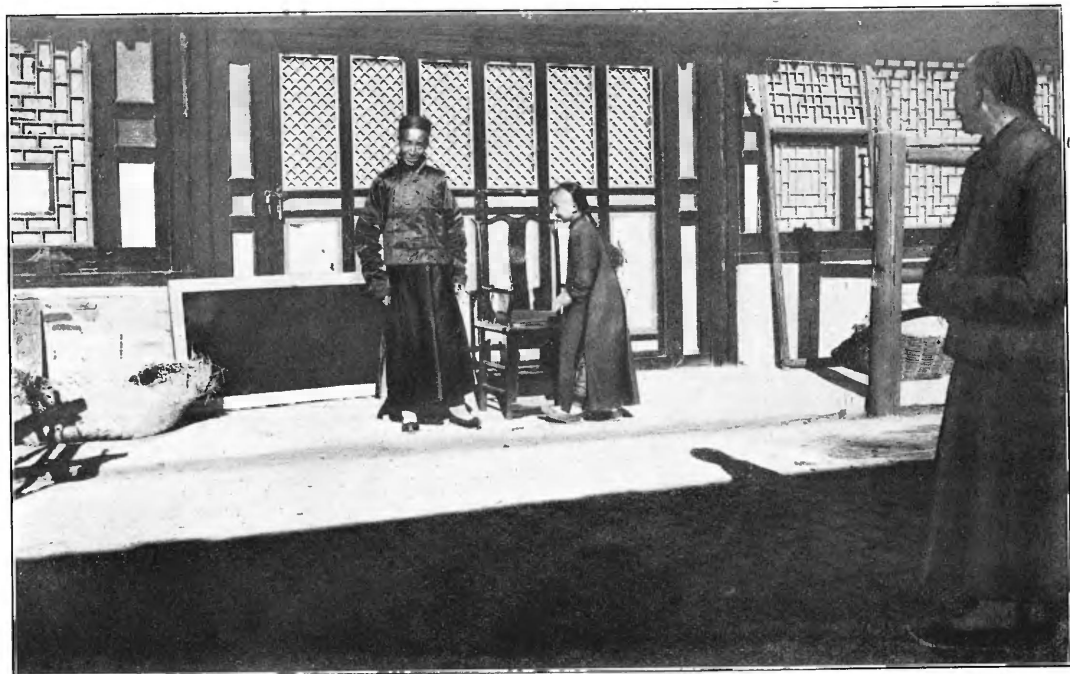
Отъ Урги
черезъ
Заинь-
Шаби въ
Улясутай.

ландшафтъ. Солнце скрывается за горами; впереди виднѣется какой-то европейскій домикъ, окруженный группою юртъ. Это—дача нашего русскаго консула Я. П. Шишмарева, кругомъ его придворный штатъ: бурятъ переводчикъ, женатый на монголкѣ, живущій въ юртѣ по-монгольски, занимающійся и службою, и хозяйствомъ и коммерціей, и нѣсколько человѣкъ прислуги. Консуль еще не выѣхалъ на дачу; она заколочена; поэтому мы невдалекѣ останавливаемся на ночлегъ. Раскинуты палатки, куплень и „освѣжеванъ“ *) баранъ, готовится ужинъ, устраиваются постели. На этотъ разъ мы рѣшили не брать съ собой походныхъ кроватей. Въ отличной палаткѣ „Кепке“ разстилается на землю брезентъ, сверхъ брезента кошма, затѣмъ мѣховыя одѣяла, на нихъ походныя „пуховики“—кошмы, простыни, одѣяла, подушки,—и роскошныя, мягкія, удобныя постели готовы. Ложимся всѣ рядомъ, вплотную другъ къ другу; очередь спать на краю палатки досталась Х. Я. Зеллису, корректному, уступчивому, деликатному и опытному путешественнику. Не стоило спорить; онъ сумѣлъ приспособиться, хотя бывали ему и непріятныя минуты, особенно въ непогоду. Поздно ночью подошелъ и нашъ караванъ. Рано утромъ, въ 4 часа, подъемъ членовъ, чаепитіе съ легкимъ завтракомъ, скорые сборы и въ 6 часовъ въ путь. Караванъ верблюдовъ остался отдохнуть тутъ цѣлый день, пока не спадетъ жара и въ ночь насъ догонитъ. Поднимаемся въ горы, спускаемся въ долины и вновь поднимаемся; кругомъ однообразныя, безлѣсныя, солнцемъ сожженныя степныя картины; на многія версты, на цѣлые переходы тянется безводная степь. Самые переходы комбинируются отъ воды до воды. Временами разстояніе отъ источника до источника 40—50 верстъ. Пройти такой переходъ безъ дневного отдыха и корма лошадей невозможно: приходится брать съ собою въ багажъ воды, и когда наступитъ самое жаркое время дня, часовъ 11—12 дня,—останавливаемся и варимъ обѣдъ изъ привезенной съ собою воды, а бѣдныя лошади иногда остаются весь день безъ воды.

Вечерами устраивались привалы по преимуществу у источниковъ; обыкновенно здѣсь мы находили и кочевниковъ съ ихъ стадами.

Солнце уже скрылось за степными холмами, становится холодно, пора переодѣваться изъ лѣтняго костюма въ весенній, кое-кто надѣваетъ даже мѣховую тужурку, боясь разбудить свои ревматизмы; а степь все пустынная и безмолвная; но вотъ виднѣется табунъ лоша-

*) Освѣжевать барана—значитъ зарѣзать, снять шкуру и пр.

Дворъ китайской торговой фирмы.

Главная базарная площадь въ Ургѣ. Налѣво часть майхона (палатки) въ монгольскомъ вкусѣ.

дей,—значить, гдѣ-то близко вода; а вотъ и стадо рогатаго скота; еще, значить, ближе подъѣзжаемъ къ кочевьямъ. Наконецъ раздается усиленный лай собакъ, блеяніе стада овецъ, загнанныхъ около группы юртъ въ „загоны“. Значить, здѣсь и ночлегъ. „Лубсунъ Доржи, скачи впередъ, выбирай мѣсто для ночлега“. Лихой нашъ проводникъ Лубсунъ карьеромъ несется впередъ и къ нашему прибытію стоитъ ужъ на выбранномъ мѣстѣ, получивъ всѣ необходимыя свѣдѣнія для нашего ночлега: т.-е. гдѣ—вода, есть ли молоко, баранъ, дрова, хорошій кормъ лошадямъ и пастухъ для лошадей на ночь.

Незамѣнимый этотъ Лубсунъ Доржи человекъ для экспедиціи, поэтому справедливость требуетъ посвятить ему нѣсколько строкъ нашего очерка.

Въ Ургѣ былъ найденъ бывалый, говорящій по-русски и совершенно свободный проводникъ до Улясутая. Все было съ нимъ кончено. Но вдругъ онъ исчезъ изъ Урги, куда—неизвѣстно. Позже мы узнали, что богобоязненный монголъ пошелъ посоветоваться съ какимъ-то ламою, а послѣдній предсказалъ ему несчастіе ѣхать съ нами... и мы остались безъ проводника. Поиски другого не увѣнчались успѣхомъ. Пришлось обратиться за содѣйствіемъ къ любезному князю Ханъ-да-Цинъ-Вану. Любезности князя не было предѣловъ; онъ намъ назначилъ своего личного адъютанта, молодого монгола изъ его хошуна Лубсунъ Доржи. Лубсунъ средняго роста, безъ усовъ и бороды, фигура стройная, изящная, глаза смѣлые, умные, манеры выдержанныя, бойкія, но не суетливыя, костюмъ отличный: чистый, опрятный халатъ, красивая шляпа съ бѣлымъ шарикомъ и перомъ, наружное отличіе монгольскаго младшаго чиновника, исполняющаго обязанности чиновника для порученій (перо), и новые монгольскіе сапоги. Верховомъ на конѣ Лубсунъ прямо прелесть: сидитъ какъ прикованный, слитый съ лошадью. Лубсунъ только-что вернулся въ Ургу, проскакавъ 360 верстъ изъ своего хошуна, сопровождая супругу князя изъ ставки князя въ Ургу; и вотъ опять верхомъ на конѣ скакать тысячу верстъ, сопровождая русскихъ купцовъ съ ихъ нойономъ, и тысячу верстъ обратно. Привѣтъ тебѣ, нашъ милый Петръ Ивановичъ Лубсунъ-Доржіевъ!—такъ окрестили мы нашего славнаго расторопнаго, заботливаго проводника и охранителя. Привѣтъ сердечный тебѣ изъ далекой Россіи, да не помянешь ты насъ зломъ. Спасибо и вамъ, князь Ханъ-да-Цинъ-Ванъ, за такую неоцѣнимую, любезную помощь. Лубсунъ скоро освоился съ нами, цѣлые дни ѣхалъ рядомъ съ нашими телѣжками верхомъ на конѣ, рассказывалъ намъ о своей жизни, о жизни князя, о жизни хо-

шуна, Богдо-гыгена и т. д., слушалъ наши рассказы о Россіи, Москвѣ и другихъ большихъ городахъ, о природѣ и жизни русскихъ, нерѣдко горячо отстаивалъ свои убѣжденія и взгляды на окружающій міръ,— взгляды, набитые въ его голову хитрыми и ловкими ламами, сознательно держащими монгольскій народъ въ области фантастическихъ рассказовъ о всемогуществѣ ламъ, и прочее. Учился говорить по-русски и смѣшно выговаривалъ „здравствуй“, „Викторъ Лукичъ“, „Константинъ Петровичъ“, „радъ стараться“ и т. д. Бывало, отъ нечего дѣлать надѣнетъ на себя костюмъ своего большого пріятеля, казака Бобыкина, и довольный-предовольный, ѣдетъ въ этомъ костюмѣ, гордо посматривая на встрѣчныхъ монголовъ, а Бобыкинъ надѣнетъ его „малахай“, чиновничью шапку и халатъ, и поютъ они дружно и весело монгольскія пѣсни или бесконечно болтаютъ по-монгольски. Оказывая должное почтеніе, какъ хорошо вышколенный адъютантъ знаменитаго князя, начальнику экспедиціи, особенную же симпатію Лубсунъ чувствовалъ къ Х. Я. Зеллису, какъ свободно говорящему по-монгольски, объяснявшему Лубсуну много интереснаго и новаго, а иногда распѣвавшему вмѣстѣ съ нимъ монгольскія пѣсни. Радости его не было предѣловъ, когда мы позволили ему ѣхать съ ружьемъ за плечами и охотиться по пути. Казаки учили его приѣмамъ стрѣльбы и нерѣдко вмѣстѣ отправлялись съ нимъ на охоту.

Три перехода сдѣланы. Вдали обрисовываются синія ленты, окаймленные тополями. Это—та же рѣка Тола, на которой стоитъ и Урга, но уже крупная, принявшая въ себя много притоковъ на своемъ стоверстномъ пути. Подъѣхали къ рѣкѣ; стой! Въ бродъ перейти невозможно; послѣ ряда дождей, рѣка поднялась и несетъ много воды, сурово преграждая дальнѣйшій путь путешественнику. На берегу скопилось до сотни возовъ груза; это—караванъ китайскихъ купцовъ изъ Урги въ Улясутай. Возы составлены въ ряды, вокругъ раскинуты „майхены“ (палатки) рабочихъ, возчиковъ и китайскихъ приказчиковъ, недалеко пасутся сотни быковъ, только-что отпряженныхъ изъ возовъ. На водѣ стоитъ два оригинальныхъ судна: четыре бревна, одинъ отъ другого на $\frac{1}{2}$ аршина, параллельно связаны перекладинами; это—„ботъ“ для переправы. Но чѣмъ же онъ управляется и какъ на немъ переправляться? Все оказывается просто, удобно и дешево. Поперекъ плота набрасывается нѣсколько досокъ, на которыя садятся пассажиры или кладется грузъ. Монголь атлетическаго сложенія снимаетъ съ себя весь костюмъ и, совершенно голый, беретъ въ руки большой шестъ и становится на ноги на концѣ плота. Могучіе мускулы отталкиваютъ

плоть отъ берега, и атлетъ-монголь, мѣрно опуская въ воду шесть, даетъ плотику, нагруженному нѣсколькими людьми или десятками пудовъ груза, любое направленіе, поворачивая плотъ съ эластичностью хорошей паровой машины. Не успѣли оглянуться, какъ уже мы пристали къ противоположному берегу. Но плотъ не подходитъ къ самому берегу, и нашъ перевозчикъ соскакиваетъ въ воду и схватываетъ ближайшаго изъ членовъ экспедиціи къ себѣ на спину и какъ легкое перышко переноситъ на берегъ. Переправа началась; кто не захотѣлъ пользоваться услугами могучаго перевозчика, соскочилъ прямо въ воду и выбрелъ на берегъ, изрядно промочивъ ноги. Черезъ два часа наши повозки, грузы и люди были уже на лѣвомъ берегу Толы, раскинули палатки и грѣлись чайкомъ и коньякомъ, закусывая кое-чѣмъ. Въ ожиданіи прихода каравана мы остановились бивакомъ и были свидѣтелями оригинальной сцены. Монголь-первозчикъ что-то поссорился съ китайцами, произошла грубая сцена: китаецъ ударилъ монгола; гордый, свободный монголь, сравнительно богатый хозяинъ и физически могучій атлетъ, не стерпѣлъ обиды и рѣшилъ убить китайца,—схватилъ дубину и пошелъ къ табору китайцевъ. Трусы спрятались, а монголы окружили обиженнаго и, зная, что за расправу съ китайцемъ монголь будетъ казненъ, удерживали его, навалившись на него нѣсколько человекъ, которыхъ онъ время-отъ-времени отбрасывалъ отъ себя, ровно щепки. Едва-едва удалось уговорить расходившагося свободаго, гордаго степняка.

На завтра снова въ путь; опять холмистая, безлѣсная, безводная степь, опять палящее солнце и длинные утомительные переходы отъ воды до воды и вполнѣ заслуженный отдыхъ на ночлегѣ среди ясной, тихой, но холодной ночи монгольскихъ степей. Пришлось пересѣчь самое тяжелое мѣсто, по отсутствію воды, южной части степи; только соленыя озера, да ничтожные родники-ключи или небольшіе колодцы даютъ возможность утолить жажду лошадей и людей и сварить себѣ незатѣйливый обѣдъ; 6 переходовъ такого пути, и мы подошли къ большому, верстъ 10 длиною, прѣсному озеру Угей-норъ и здѣсь заночевали. Какая масса дичи на этомъ озерѣ, еще болѣе, говорятъ, въ немъ рыбы, но намъ—ни до того, ни до другого. Хотя неутомимый нашъ охотникъ Гр. Ил. Колчевскій немедленно отправился на охоту, но безъ собаки трудно убить чуткую птицу, легко и быстро отплывающую на средину озера, внѣ дальности выстрѣла. Намъ на охоту какъ-будто все время не везетъ. Во время длинныхъ дневныхъ переходовъ мы многократно встрѣчали цѣлыя стада дзереновъ (серна мон-

гольскихъ степей), бывали случаи—встрѣчали дзереновъ внезапно, совсѣмъ близко, и открывалась горячая перестрѣлка изъ винтовокъ и винчестеровъ, но серны преблагополучно уходили отъ насъ и скрывались за нѣсколько верстъ въ холмистыхъ степяхъ. Нѣсколько болѣе удачная и, пожалуй, интересная охота была на „дрофъ“ (степная курица). Красивая, очень большая птица иногда встрѣчалась цѣлыми стаями, штукъ по 20; гуляетъ въ травѣ, гордо поднявъ голову, и сторожко поглядываетъ по сторонамъ. Въ экипажѣ подѣхать можно и близко; но какъ остановился экипажъ, началось движеніе людей, съ неминуемымъ доставаніемъ ружей, уложенныхъ далеко и въ чехлахъ, дрофы уже почуяли врага и быстро-быстро уходятъ все дальше и дальше отъ дороги. Начинается преслѣдованіе, всѣ ухищренія охотника хитрая птица отгадываетъ и уходитъ или даже улетаетъ все дальше и дальше. Только мѣткая пуля казачьей винтовки иногда догоняетъ хитрую добычу, и мы, довольные, на привалѣ разнообразимъ нашъ столъ, правда, не вкусной, но все-таки свѣжей дичью.

Проѣхали озеро Угей-нуръ; здѣсь около него имѣются русскіе торговцы. Вотъ двѣ юрты Бійской фирмы Ирена, тамъ три юрты купца Милованова, по ту сторону озера виднѣются палатки китайцевъ-приказчиковъ. Окрестности озера довольно густо заселены юртами монголовъ, а на сѣверномъ берегу, въ верстѣ отъ воды, виднѣется большой ламайскій монастырь „Оромбо-куре“. Здѣсь былъ, говорятъ, гыгенъ мальчикъ, но внезапно умеръ отъ скарлатины. На-дняхъ сюда пріѣхалъ молодой лама изъ Тибета, народъ называетъ его тоже гыгеномъ. Но, вѣроятно, это—пустой слухъ, пущенный досужими ламами. Монастырь, очевидно, богатый, съ хорошими постройками. Мы выходимъ въ долину р. Орхона. Вотъ и сама рѣка, шириною около 30—40 сажень, течетъ въ равнинныхъ берегахъ и только ниже переправы стѣсняется скалистымъ берегомъ. Переправа возможна бродомъ, такъ какъ вода спала. По объясненію монголовъ и нашихъ торгующихъ, вода въ рѣкѣ послѣ дождей очень быстро поднимается и выходитъ изъ береговъ и тогда черезъ небольшую лощину течетъ и въ озеро Угей-нуръ. Вверхъ по Орхону виднѣются историческіе курганы, памятники славнаго прошлаго свободной, самостоятельной и грозной всему міру Монголіи. Тамъ, въ верховьяхъ Орхона была, говорятъ, столица Чингизъ-хановъ. Но вѣка прошли, прошлое забыто, и сѣренькая, жалкая судьба кочевника-скотовода, подданнаго хитрому китайцу, изгладила въ умѣ потомковъ всякое воспоминаніе о славномъ прошломъ народа, даже въ пѣсняхъ монгольскихъ баяновъ все рѣже и рѣже

можно встрѣтить печальную сказку о великихъ герояхъ. Мы переходимъ рѣку Орхонъ, почти у самаго устья рѣки Тамыръ-голь. Уже самое названіе одного изъ крупнѣйшихъ притоковъ Орхона, протянувшегося почти на нѣсколько сотъ верстъ, съ роскошною широкою долиною, плодородною, удобною для культуры,—уже это названіе рѣки свидѣтельствуесть объ историческомъ прошломъ этой части Монголіи. Но никто изъ окрестныхъ монголовъ не можетъ ничего рассказать сколько-нибудь осмысленно объ этихъ памятникахъ славной старины. Не далеко уже и то время, когда по этимъ роскошнымъ лугамъ долинъ Орхона и Тамыра будутъ свободно гулять не стада барановъ, козъ, сарлыковъ и табуны лошадей съ свободными, но беззаботными, лѣнливыми пастухами, а трудолюбивые китайцы со своими плугами, засѣвая пшеницу, просо, горохъ и прочіе полезные предметы культуры. А коренной обитатель, потомокъ Тамыра, будетъ далеко оттѣсненъ отъ своей исторической рѣки Тамыръ, изъ привольныхъ степей, въ безводныя, горныя степи, къ солончаковымъ озерамъ и жалкимъ колодцамъ и будетъ влачить жалкое существованіе, пока не продастъ сосѣду-китайцу послѣднюю овцу и не пойдетъ у него работать, чтобы получить кусокъ отъ стола китайца и не умереть съ голоду. Жены и дочери и теперь уже продаются свободно китайцу-торгащу, поселившемуся среди монгольскихъ аиловъ и выжимающему настойчиво и ловко всѣ соки изъ жалкаго бюджета монгола. Женщина—вездѣ женщина. Что можетъ бѣдный пастухъ дать женщинѣ, кромѣ простого изъ дешевой далембы халата, а китаецъ одѣнетъ монголку въ шелкъ и обвѣситъ ее серебромъ и кораллами.

Попробуемъ заглянуть, какъ живутъ и торгуютъ наши земляки-русскіе на исторической рѣкѣ Орхонѣ съ Тамыромъ. Вотъ на берегу Орхона, среди привольной степи, стоятъ три юрты, кругомъ обнесены небольшимъ плетнемъ. Въ большой юртѣ живетъ самъ хозяинъ съ женою, въ другой, поменьше,—прислуга и приказчики, а въ третьей юртѣ—кладовая съ товарами. Подходимъ. Изъ юрты-кухни выходитъ русская женщина; это—кухарка; она объясняетъ намъ, что хозяина нѣтъ дома, а барыня дома, и идетъ докладывать о пріѣздѣ „русскихъ“. Изъ большой юрты выходитъ статная русская красавица и любезно приглашаетъ насъ въ „горницу“. Обширная юрта обита ситцемъ, въ сторонѣ стоитъ большая кровать, покрытая богатымъ покрываломъ и прикрытая пологомъ, столъ, иконы и прочая обстановка—смѣсь монгольскаго съ китайскимъ и русскимъ убранствомъ, но вмѣсто очага посрединѣ желѣзная печь, русскій самоварчикъ, приличная сервировка

и мягкая, вкусная, свѣжая булка домашняго печенья со свѣжимъ сливочнымъ масломъ. Въ этой юртѣ хозяева живутъ каждое лѣто и лишь поздней осенью уѣзжаютъ въ Россію. Хозяйка всегда сопровождаетъ своего мужа въ Монголію и дѣлитъ съ нимъ труды кочевой жизни. 20 лѣтъ уже кочуютъ они весною изъ Россіи въ Монголію (такъ сказать, на дачу), осенью—изъ Монголіи въ Россію. А вотъ вдали еще двѣ „русскія“ юрты. Здѣсь живетъ тоже хозяинъ съ приказчикомъ, но у нихъ нѣтъ заботливой, умѣлой женской руки, и потому юрта ничѣмъ не отличается отъ простой монгольской, грязь порядочная, сами спятъ прямо на землѣ, на простыхъ кошмахъ; тутъ же, на очагѣ, варится пища и тутъ же, сидя „по-монгольски“, на землѣ, хозяева принимаютъ гостей, покупателей и проводятъ свой досугъ. Однимъ аккордомъ раздается изъ всѣхъ такихъ „русскихъ“ юртъ, разбросанныхъ сотнями по Монголіи, мотивъ: торговать стало трудно. Русскіе товары, пройдя черезъ руки русско-монгольскихъ оптовиковъ-капиталистовъ, доходятъ до русской юрты въ такой цѣнѣ, что монголь уже не можетъ ихъ покупать. Кто купилъ достаточно товару, тотъ и плачется, не зная, что съ нимъ дѣлать. Приходится ликвидировать дѣло и съ остатками уѣзжать на родину.

Но пора двигаться дальше. Рано утромъ, по обычаю, въ 6 часовъ трогаемся въ путь по долинѣ Тамыръ-голь. Потянулись однообразные, путевые дни, съ остановками на три—четыре часа для обѣда и на заслуженный ночлегъ послѣ труднаго дневнаго перехода. Правда, здѣсь по системѣ р. Тамыра больше оживленія: то и дѣло мы проѣзжаемъ мимо юртъ, большихъ табуновъ лошадей, огромныхъ стадъ барановъ и сарлыковъ. Сарлыкъ, это—оригинальное животное. По своему складу, это—обыкновенная корова, но только значительно крупнѣе, даже иногда больше лучшихъ породъ европейскихъ, но животное покрыто длинною, густою шерстью, спускающейся въ видѣ бахромы съ боковъ сарлыка, иногда до самой земли. Сарлыки по преимуществу трехъ цвѣтовъ, конечно, съ разными оттѣнками: бѣлый, черный и сизобурый. Большое стадо огромныхъ животныхъ мирно пасется недалеко отъ дороги. Заслышали колокольчики и всѣ повернулись къ намъ головами, смотрятъ на насъ дико, какъ бы удивленно. Невиданное чудо! Тройка лошадей, запряженныхъ въ русскую телѣгу съ колокольчиками подъ дугой, приводитъ ихъ въ ужасъ; они брыкаются, издаютъ даже мычаніе и нѣсколькими скачками отбѣгаютъ нѣсколько дальше отъ дороги. Сарлыкъ даетъ отличное густое молоко, къ корму крайне нетребовательный, прекрасное вьючное и воевое животное, сильное и выносливое,

только мясо не особенно вкусное, грубое, но зато въ горной степи на короткихъ плохихъ кормахъ это, можно сказать,—благодѣтель монгола, и чѣмъ дальше въ горы и къ югу, ближе къ Гоби, тѣмъ все больше и чаще встрѣчаются стада сарлыковъ. Переѣхали одинъ изъ притоковъ Тамыра, Хойту-Тамыръ, разлившійся по степи шестью широкими рукавами, богатый большими и вкусными рыбами „ленки“ (родъ форелей), и около 12 часовъ 8-го іюля прибыли въ Заинъ-шаби.

Заинъ-шаби большой ламайскій монастырь-городокъ. Въ роскошной долинѣ Хойту-Тамыръ стоитъ отдѣльная усадьба, принадлежащая монастырю, затѣмъ на высокомъ лѣвомъ берегу долины группа построекъ, маленькихъ домиковъ и нѣсколько храмовъ. Здѣсь жилъ прежній Заинъ-гыгенъ, тутъ онъ выросъ, возмужалъ, здѣсь онъ началъ кутить, завелъ себѣ наложницъ и здѣсь же внезапно скончался 20-ти лѣтъ, полный радостной жизни, умеръ отъ ловко поднесенной отравы, чтобы не срамилъ ламаизмъ, не терялъ престижъ живого бога и не тратилъ огромныя средства и не разорялъ больше монастырь. Дальше, въ глубокой лощинѣ, огромный монастырь съ богатыми храмами и желтымъ дворцомъ Заинъ-гыгена. Въ этомъ дворцѣ довольно долго проживалъ далай-лама, укрываясь отъ китайцевъ, подъ прикрытіемъ взвода русскихъ казаковъ съ полковникомъ П. К. Козловымъ. Здѣсь, въ этомъ монастырѣ, живетъ больше 3000 монаховъ и живой богъ Заинъ-гыгенъ въ третьемъ своемъ перерожденіи, 6-тилѣтній бойкій, красивый мальчикъ, такъ внимательно и долго смотрѣвшій на невиданныхъ еще русскихъ путешественниковъ; тутъ же рядомъ около монастыря китайскій маймаченъ, состоящій изъ двадцати усадьбъ, съ пятнадцатью китайскими фирмами, ведущими здѣсь свои дѣла бойко и удачно, съ умѣлымъ подборомъ товаровъ.

Въ Заинъ-шаби имѣется пять русскихъ фирмъ, разбросавшихъ въ окрестномъ районѣ нѣсколько приказчиковъ для торговли непосредственно въ кочевьяхъ. Нашихъ русскихъ коммерсантовъ въ Заинъ-шаби, несмотря на ихъ малочисленность, можно раздѣлить на три группы: первая, это—старѣйшіе піонеры торговли. Они еще держатся старыхъ хорошихъ традицій, т.-е. торгуютъ русскимъ товаромъ, но дѣла ихъ неважны; несмотря на очень разнообразный подборъ товаровъ, особенно въ мануфактурѣ, русскій товаръ не покупается, и кладовыя остаются почти нетронутыми; покупку сырья имъ не приходится производить, такъ какъ тутъ же рядомъ покупаютъ сырье непосредственно у монголовъ и китайцевъ тѣ крупныя фирмы, которымъ до сихъ поръ славали сырье наши мелкія фирмы, какъ посредники; нужда въ посред-

никахъ миновала, и потому группа старыхъ пионеровъ торговли прекращаетъ свои дѣла. Вторая группа—представители крупныхъ русскихъ фирмъ, которые торгуютъ китайскимъ, англійскимъ, японскимъ и русскимъ товаромъ, торгуютъ при помощи сѣти мелкихъ русскихъ приказчиковъ, раскинутыхъ въ хошунахъ и постепенно замѣняемыхъ приказчиками-монголами. При большихъ оборотахъ фирма довольствуется сравнительно небольшимъ $\frac{0}{100}$ на капиталъ (такимъ процентомъ не могутъ удовлетвориться мелкія фирмы), и потому дѣло еще существовать можетъ и даже какъ-будто бы развивается; наконецъ, третья группа, это—представители заграничныхъ фирмъ, русскіе приказчики, занимаются исключительно скупкою для этихъ фирмъ монгольскаго сырья въ самомъ Заинь-шаби и въ кочевьяхъ. Этотъ новый типъ „русскихъ коммерсантовъ“ въ Монголіи, продавая свои услуги фирмамъ Лейпцига и другихъ заграничныхъ городовъ, совершенно губитъ дѣло своихъ отцовъ и прежнихъ русскихъ хозяевъ, привлекая непосредственно въ Монголію крупные капиталы Европы; правда, для нихъ лично это выгодно. Самъ комиссіонеръ-приказчикъ вполне обезпеченъ европейской фирмой, ведетъ дѣло почти самостоятельно, но на чужія деньги, не рискуя своими средствами, и только попутно покупаетъ на свои деньги кое-какой ходкій товаръ у китайцевъ и попутно же съ операціями по скупкѣ обдѣлываетъ небольшія операціи по продажѣ за свой счетъ, прибавляя этимъ путемъ свой личный заработокъ къ заработку отъ фирмы. Наша небольшая русская колонія въ Заинь-шаби живетъ относительно дружно.

На другой день по нашемъ пріѣздѣ въ монастырѣ былъ большой праздникъ „Майдера“. Передъ храмомъ на большой площади вынесены идолы, и площадь оцѣплена сотнею ламъ съ какими-то знаменами, на возвышеніи въ желтомъ креслѣ мальчикъ-гыгенъ, окруженный старѣйшими ламами. Тысячи разряженнаго народа съѣхались изъ окрестностей на праздникъ; женщины—въ шелковыхъ, парчевыхъ халатахъ, обвѣшанныя серебромъ, кораллами и камнями, монголы—въ праздничныхъ, нѣкоторые въ шелковыхъ халатахъ, на верховыхъ лошадяхъ, украшенныхъ блестящею сбруею изъ серебра. На окруженную ламами площадку по очереди выходятъ ламы разныхъ возрастовъ въ очень разнообразныхъ костюмахъ и маскахъ, изображая духовъ разнаго значенія. Передъ глазами зрителей происходитъ рядъ представленій въ лицахъ многочисленныхъ ламайскихъ мифологическихъ легендъ,—полныхъ интереса и смысла для суевѣрныхъ монголовъ; однако особенно большого религіознаго настроенія у толпы незамѣтно; скорѣе, на лицахъ

всѣхъ окружающихъ написано простое любопытство, подобно тому, какъ и у всякой толпы на всевозможныхъ уличныхъ зрѣлищахъ въ Европѣ. Заканчивается торжество рядомъ всевозможныхъ обрядностей къ концу дня; завтра скачки и борьба на призы. Праздникъ продолжается нѣсколько дней. Подобныя празднества происходятъ въ это время во всѣхъ хошунахъ; тамъ они, конечно, имѣютъ большой интересъ, такъ какъ въ нихъ принимаютъ участіе князья, раздавая призы, подарки, поздравленія. Но особенно торжественное и почти національное значеніе приобрѣтаетъ это празднество у Богдо-гыгена въ Ургѣ и въ окрестностяхъ Урги. Уже за недѣлю, за двѣ сюда съѣзжаются князья Монголіи со свитою, раскидываются въ долину Толы десятки богатыхъ княжескихъ ставокъ съ многочисленными юртами. Блескъ нарядовъ, конской сбруи и одежды князей, свиты и въ особенности княжескихъ женъ (у нѣкоторыхъ изъ нихъ одинъ головной уборъ стоитъ двѣ—три тысячи ламъ). Князей сопровождаютъ лучшіе чиновники и лучшіе борцы, наѣздники и стрѣлки изъ лука. Происходитъ нѣсколько недѣль состязательная стрѣльба изъ луковъ, сначала между людьми своего хошуна, потомъ—между лучшими стрѣлками нѣсколькихъ хошуновъ, между самими князьями, затѣмъ—бѣга, борьба; торжество происходитъ въ присутствіи самого Богдо-гыгена и князей. Побѣдители на этихъ празднествахъ считаются первыми побѣдителями во всей Монголіи, воспѣваются въ пѣсняхъ монгольскихъ баяновъ, получаютъ призы-подарки изъ рукъ самого Богдо-гыгена. Въ этотъ годъ на праздникъ въ Ургу съѣхалось до 10000 ламъ со всей Халки и десятки князей. Послѣ праздника оставили и мы гостепріимный Заинъ-шаби и тронулись дальше къ Улясутаю. Погода испортилась, дожди льютъ почти каждый день, дѣло плохо; рѣки выйдутъ изъ береговъ, и намъ придется гдѣ-нибудь на пути засѣсть и ждать спада воды. Вотъ подходимъ къ одному изъ верхнихъ истоковъ Тамырголь; перейти по прежнему броду нельзя. Лубсунъ скачетъ по долину Тамыра, говоритъ съ монголами долго и горячо, даже ругается, а иногда пускаетъ въ ходъ и колотушки. Наконецъ, находитъ трехъ лихихъ молодыхъ байгушей, которые берутся насъ переправить черезъ бушующій Тамыръ. Ёдемъ. Вотъ и рѣка,—шумно и бурно несетъ свои полныя воды. Пробуемъ переѣхать въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка раздѣлилась на нѣсколько рукавовъ. Первые мелкіе рукава рѣки перейдены, а вотъ и „материкъ“. Бродъ найденъ и черезъ него, но какой бродъ—подъ потникъ сѣдла! Вещи перевозимъ верхами, частью монголы, частью казаки, пустыя телѣги тронулись въ воду, бродъ очень длинный и сложный, сначала внизъ

рѣки, немного поперекъ, опять внизъ, потомъ вверхъ, опять наискосокъ и т. д. Вода заливается въ телѣгу, вотъ-вотъ понесетъ экипажъ, сорветъ лошадей, и все погибнетъ—лошади, экипажи и сбруя. Крикъ, шумъ... Лошади рванули и выскочили на берегъ. Переѣхали. На завтра опять переправа, слѣдующій день снова переправа, и такъ почти каждый день переправы вплоть до самаго Улясутая, при чемъ у самаго Улясутая на послѣднемъ переходѣ черезъ глубокій Богдо-голь пришлось сдѣлать три переправы въ одинъ день. Но, слава Богу, все благополучно, ни одного несчастья ни съ людьми, ни съ лошадьми, даже изъ вещей ничего не потопили. Отъ Заинь-шаби до Улясутая пришлось пересѣчь крупный водораздѣльный хребетъ между бассейномъ р. Селенги и внутренними водами Кобдоской котловины (бассейнъ озеръ: Киргизь-норъ и другихъ). Хребетъ крупный, со снѣжными вершинами даже въ концѣ іюля; тамъ въ этихъ снѣжныхъ вершинахъ берутъ начало рѣки Орхонъ, Тамыръ, Чилоту, крупнѣйшіе монгольскіе притоки многоводной рѣки Селенги, и уносятъ монгольскую влагу въ предѣлы русскаго Забайкалья и великаго озера-моря Байкаль. Вотъ высшая точка перевала; изъ небольшого озерка изъ растаявшаго снѣжнаго пятна течетъ ручеекъ, его воды несутся далеко, далеко черезъ Монголію, Забайкалье и всю Сибирь. Вы, вольныя воды, несите же нашъ привѣтъ родной Россіи изъ далекой непріютной, некультурной Монголіи! Вотъ уже четвертый день мы видимъ съ разныхъ сторонъ колоссальную бѣлую шапку-вершину Богдо-Очирь-Ванъ; вѣчно бѣлая, могучая, постоянно блестящая и видимая со всѣхъ окрестностей Улясутая, эта вершина еще ждетъ своего изслѣдователя... Мы, къ сожалѣнію, связаны другими задачами, временемъ и не можемъ отдать наше вниманіе, чтобы изучить эту интересную вершину или, вѣрнѣе, горный узелъ: есть-ли тамъ вѣчные ледники, или только вѣчные снѣга, какъ высоко и въ какомъ періодѣ своей жизни находится этотъ горный узелъ? Спустились въ долину Байдорика, пересѣкли долину Дзахъ, Шаро-голь и послѣ очень тяжелыхъ горныхъ, весьма неудобныхъ переваловъ наконецъ вышли на р. Богдо-голь; на этой рѣкѣ стоитъ городъ Улясутай. Еще одинъ переходъ—вотъ и городъ. Посылаемъ впередъ казака къ старымъ друзьямъ, предупреждая о своемъ приѣздѣ, но старые друзья уже превратились во враговъ... Богъ съ ними. Усталые, жаждущіе отдыха, послѣ мѣсяца похода, со всѣми тяжелыми и пріятными впечатлѣніями, нервны, мы готовы остановиться прямо въ своихъ палаткахъ, только бы спокойно вздохнуть; но насъ, оказывается, ждетъ любезный, гостепріимный нашъ русскій консулъ Викторъ Федоровичъ Люба, и вотъ

мы въѣзжаемъ на обширный дворъ консульства. Здѣсь продолжительный отдыхъ...

Викторъ Федоровичъ Люба, давно уже извѣстный опытный ра- Въ Улясу-
таѣ.
ботникъ на Востокѣ, прибылъ въ Улясутай всего за недѣлю до нашего прибытія. Улясутай приобрѣтаетъ крупное значеніе въ нашемъ положеніи на Востокѣ и въ Монголіи, и назначеніе В. Ф. Люба очень удачно. Новый консулъ уже за недѣлю далъ почувствовать какъ китайскимъ властямъ, такъ и русскимъ коммерсантамъ, что въ сѣверо-западной Монголіи есть надежный представитель русскихъ интересовъ.—Богъ въ помощь! Семь лѣтъ тому назадъ Улясутай былъ болѣе серьезнымъ центромъ русской торговли. Здѣсь на многихъ улицахъ были русскія лавки, русская торговля шла бойко; но какъ измѣнилась обстановка! Изъ прежнихъ фирмъ остались только двѣ, причемъ одна изъ нихъ принадлежитъ ветерану старой плеяды русскихъ пионеровъ Г. Гр. Игнатьеву и продолжаетъ свое дѣло попрежнему, стремясь во чтобы то ни стало распространять по Монголіи русскій товаръ, вести торговлю, такъ сказать, съ національнымъ направленіемъ; другая фирма стремится найти новые пути, новыя операціи, нажить во что бы то ни стало, даже если бы пришлось порвать связь торговую съ Россіей и базировать свои операціи на Китай. Есть и новыя птицы: скупщики-представители тѣхъ же заграничныхъ фирмъ. Всего можно считать въ Улясутаѣ собственно одинъ постоянно торгующій русскій магазинъ, другой магазинъ рѣдко открывается, хозяева заняты лихорадочной скупкой сырья и оптовыми операціями, представители трехъ еврейскихъ фирмъ занимаются только скупкою и ввозятъ въ Монголію русскія деньги и серебро. Собственно можно бы сказать, что для русской торговли Улясутай совершенно потерянь. Скупщики—не русскіе, сырье хотя пока и везется черезъ Россію, но скоро повезется на югъ черезъ Калганъ: монголы отъ нашихъ товаровъ отвыкли и въ нихъ не нуждаются, и потому не далеко то время, когда на сѣверъ торговые пути опустѣютъ. Въ одной изъ „русскихъ“ юртъ, далеко отъ Улясутая, намъ пришлось говорить съ мелкимъ торговцемъ, бывшимъ приказчикомъ и потомъ начавшимъ свое небольшое дѣло въ кочевьяхъ. Русскіе товары, по его мнѣнію, въ кочевьяхъ могутъ имѣть хорошей сбытъ; при энергичной работѣ и добросовѣстномъ подборѣ товаровъ, живя непосредственно и подолгу среди кочевниковъ, поддерживая связи и зная покупателя, торговать русскимъ товаромъ какъ на деньги, такъ и въ обмѣнъ на сырье было бы возможно; но бійскіе и улясутайскіе оптовики задушили мелкихъ хозяевъ. Съ мелкоты берутъ

такіе $\frac{0}{0}\frac{0}{0}$, что продавать ихъ товаръ невозможно; сами разбросали въ кочевья рядомъ съ нами своихъ приказчиковъ, конкурирующихъ съ нами, но ведущихъ хозяйское дѣло безъ достаточнаго вниманія; тѣ же оптовики еще занимаются и прямою скупкою сырья на деньги по сравнительно высокой цѣнѣ. Что же мы, мелкота, можемъ сдѣлать?

Зато китайская торговля попрежнему процвѣтаетъ въ Улясутаѣ, число фирмъ какъ будто бы увеличилось, операціи крупныхъ фирмъ расширились и захватили въ свои цѣпкія руки всю экономическую жизнь хошуновъ.

Городъ Улясутай почти не измѣнился, и потому вновь описывать его не будемъ *).

Консульство еще не имѣетъ своего дома, русская колонія хотя и имѣетъ право постройки своихъ домовъ, но еще ничего не строить, попрежнему ютится въ китайскихъ усадьбахъ и фанзахъ. О постройкѣ консульства еще только возможно мечтать. Правительство не скоро дастъ достаточно денегъ, чтобы при исключительно тяжелой обстановкѣ можно было построить сколько-нибудь сносныя зданія.

Устроились мы благодаря любезности В. Ф. Люба отлично; отдохнувъ, принялись за дѣло. Ходили по городу, изучали все, что представляло интересъ.

Черезъ нѣсколько дней поздно ночью пріѣхалъ сюда нашъ военный агентъ въ Китаѣ Л. Г. Корниловъ, путешествующій по Монголіи со своими спеціальными задачами; здѣсь же мы встрѣтили члена бійской торговой экспедиціи М. И. Боголѣпова, профессора Томскаго университета. Составилась довольно значительная русская колонія.

Пользуясь пріѣздомъ Л. Г. Корнилова, сдѣлали и мы визитъ Цзянь-Цзюню, посѣтивъ еще разъ знаменитую крѣпость Улясутайскую „Сангинъ-хото“. Новаго ничего не нашли, кромѣ школы для монгольскихъ дѣтей, собранныхъ со всѣхъ хошуновъ двухъ западныхъ аймаковъ Халхи. Повидимому, дѣло поставлено образцово, и китайцы знаютъ, что дѣлаютъ, и умѣютъ дѣлать. Экономическая жизнь монголовъ почти исключительно въ рукахъ китайцевъ, теперь они принимаются за захватъ въ свои руки духовной жизни монгола, проводя черезъ проектируемую сѣть монголо-китайскихъ школъ китайскую культуру.—Да, это—сильные противники, а мы уступаемъ имъ всѣ позиціи...

Отъ Уля-
сутая до
Уланнома.

Изъ Улясутая экспедиція направляется снова двумя путями. В. Л. Поповъ, Х. Я. Зеллисъ и нѣсколько казаковъ—на сѣверо-западъ, вдоль

*) См. „Черезъ Саяны и Монголію“ В. Попова.

хребта Хань-Хухей, въ Уланкомы, къ озеру Убса; остальные члены экспедиціи—черезъ Кобдо на Кошъ-Агачъ и въ Россію.

4 верблюда и нѣсколько всадниковъ рано утромъ 4 августа выступили изъ Улясутая и пошли легкою экспедиціей безъ всякихъ экипажей, повозокъ и громоздкихъ грузовъ въ направленіи на сѣверо-западъ. Вотъ—одинъ переваль, еще переваль и еще, и мы далеко удалились отъ Улясутая, вступая въ область сыпучихъ песковъ. Цѣлыя горы, холмы, перевалы покрыты глубокимъ пескомъ; жаркій день, солнце накалило пески, и путникъ идетъ словно въ жаркой печи. Тяжело, утомительно, медленно подвигается экспедиція среди песчаныхъ горъ и дюнь. Вотъ—давно жданный ключикъ и небольшая поляна, свободная отъ песковъ. Здѣсь приваль и отдыхъ. Кормъ на небольшой полянѣ очень плохой, давно уже трава частью съѣдена, частью высохла. Лошади и верблюды стараются собрать себѣ сколько-нибудь скудной пищи. Мы варимъ себѣ обѣдъ, отдыхаемъ. Жара немного спадаетъ,—пора трогаться дальше. Еще нѣсколько песчаныхъ переваловъ, и спускаемся въ глубокую котловину съ озеромъ посрединѣ. Здѣсь и ночлегъ. Привычная кочевая жизнь, налаженная въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, продолжается спокойно, безъ шероховатостей, только отсутствіе хорошихъ кормовъ и недостатокъ воды даютъ себя чувствовать, понижая работоспособность верблюдовъ и лошадей.

Сегодня очень трудный день. Съ самаго ранняго утра вступили мы опять въ горы, покрытыя глубокими песками; тяжело ступаютъ верблюды по привычной для нихъ дорогѣ, но еще тяжелѣе идутъ верховыя лошади, особенно забайкалки казаковъ. Весь день идемъ, но конца пескамъ не видно. Страшно пить хочется, да воды съ собой не взяли.—Скоро ли рѣка? Но нашъ глупый газорчи (проводникъ) отвѣчаетъ все то же, показывая куда-то рукой: вотъ тамъ! Смотримъ въ бинокли по этому направленію; ничего не видно впереди, кромѣ моря песковъ, которымъ и конца должно быть не будетъ. Хотя бы какіе-нибудь признаки влаги были видны! Нѣтъ, не видно ни деревьевъ, ни травы, ни животныхъ, ни юртъ. Пустыня-пустыней. Гдѣ же тутъ рѣка? Откуда она возьмется въ этихъ безбрежныхъ глубокихъ пескахъ? Тамъ далеко, къ сѣверу отъ насъ, синѣтся покрытый лѣсомъ Хань-Хухей, протянувшійся на сотни верстъ. Тамъ, вѣроятно, и влага, и кормъ и жизнь, а здѣсь только пустыня. Въ душу начинается закрадываться сомнѣніе въ вѣрности и знаніи проводника-монгола, глуповатаго, хитраго ламы, который ѣдетъ на своей жалкой клячкѣ впереди верблюдовъ и все читаетъ подъ носъ себѣ молитвы. Вотъ мы съ

Х. Я. начинаемъ уже волноваться, всѣ утомились, итти дальше становится все труднѣе и труднѣе, а остановиться нельзя: ни воды, ни корма, а солнце быстро начинаетъ спускаться къ закату. Съ 6 часовъ утра при 40—45° жары, среди песковъ, безъ капли воды и куска хлѣба! Это что впереди виднѣется? Стадо овецъ. „Ура“! Значить, гдѣ-то близко есть влага, овцы далеко отъ кочевій не ходятъ, а кочевья безъ воды не бываютъ. Старая, дряхлая монголка пасетъ стадо овецъ; увидѣвъ экспедицію, много вооруженныхъ людей въ странныхъ, невиданныхъ въ этихъ мѣстахъ русскихъ костюмахъ, напугалась и бѣжитъ отъ насъ. Казакъ догоняетъ, она еще больше напугалась и уже ровно ничего не можетъ сказать отъ испуга. Подъѣзжаетъ нашъ философъ-газорчи, все читаетъ молитвы. Гдѣ же твоя рѣка? Показываетъ куда-то впередъ молча и читаетъ молитву. Казаки пустили впередъ усталыхъ лошадокъ и черезъ $\frac{1}{4}$ часа кричатъ: вода! рѣка! Да гдѣ же тутъ среди безконечныхъ песковъ вода, да еще цѣлая рѣка? Подъѣзжаетъ лихой, мой старый, бывалый спутникъ еще по Саянамъ, казакъ Колодинъ и докладываетъ, что нужно остановиться здѣсь среди вотъ этого мелкаго кустарника, „дерису“, такъ какъ тутъ всетаки сквозь песковъ пробивается кое-какая трава, которой покормятся лошади и верблюды, а тамъ у рѣки никакой травы и растительности нѣтъ. Рѣка, и довольно большая, течетъ въ глубокомъ логу, среди совершенно пустынныхъ песковъ; рѣки намъ еще не видать, а она всего въ нѣсколькихъ саженьяхъ. Развѣючиваемъ верблюдовъ, рассѣдываемъ лошадей. Бивачная жизнь закипѣла, палатки раскинуты, варится чай и обѣдъ; откуда-то неизвѣстно появились монголы, привезли молоко, араку, начинается обычный разговоръ и расспросы монголовъ. Вокругъ разбрелись верблюды и лошади; первые ѣдятъ, повидимому, съ удовольствіемъ кусты дерисы, захватывая въ ротъ по цѣлымъ вѣтвямъ, лошади добываютъ себѣ пищу изъ-подъ песковъ.

Рано утромъ трогаемся дальше, переходимъ рѣку, глубоко-глубоко прорывшую въ пескахъ себѣ ложе по крутому оврагу, даже въ 10 шагахъ не видно ея. И опять караванъ идетъ по пескамъ. Но вотъ перешли одинъ переваль, другой; песку становится меньше и меньше, травы больше, жизнь кругомъ оживаетъ. Ночлегъ у большого горько-соленого озера, въ которое впадаетъ нѣсколько прѣсныхъ источниковъ. И опять тамъ, гдѣ вода, тамъ и жизнь: юрты, гурты скота, табуны лошадей, стада барановъ. Сегодня идемъ по широкой долинѣ. Тамъ влѣво вьется небольшая рѣчка, густо заселенная кочевниками, среди юртъ монголовъ виднѣются „майхены“ купцовъ-китайцевъ. И

вездѣ, гдѣ кочевникъ, тамъ и „майхенъ“ китайца; онъ кочуетъ вмѣстѣ съ монголомъ, живетъ съ ними круглый годъ одною жизнію, одѣвая ихъ въ дешевую далимбу, снабжая всѣмъ необходимымъ и собирая отъ монгола все, что послѣдній можетъ продать. Вотъ медленно ѣдетъ монголь по степи. Что у него болтается у сѣдла? Тарбаганъ. Значитъ, ѣдетъ со счастливой добычи. Мясо тарбагана жирное, семья будетъ довольна, а шкура сегодня же пойдетъ къ сосѣднему „майхену“ китайцу. Вмѣсто тарбаганьей шкуры, покупаемой нынѣ русскими въ Заиньшаби и Улясутаѣ до двухъ рублей за шкурку, монголь здѣсь среди далекихъ кочевій получить за пятьдесятъ-шестьдесятъ копѣекъ товару и будетъ доволенъ. Туда же въ „майхенъ“ сдается и снятая шерсть. Навстрѣчу идетъ небольшой караванъ верблюдовъ, штукъ 20, на переднемъ верблюдѣ спитъ китаецъ. Это—торговый караванъ китайцевъ, собравшихъ свою обильную жатву въ кочевьяхъ и отправляющихъ: шкуры, шерсть, овчину,—въ Улясутай, а оттуда на югъ, въ Калганъ и Тянь-Цзинъ. Еще одинъ ночлегъ, и мы вступаемъ въ оригинальную долину, шириною верстъ 10—20. Вправо—рѣзко очерченный хребетъ Ханъ-Хухей, слѣва—горная цѣпь, очевидно, отроги Хангая. Долина прямо почти вымощена мелкимъ-мелкимъ камнемъ. Ни одного деревца, и чуть-чуть пробивается черезъ каменный полъ долины кое-гдѣ ничтожная травка. До воды еще далеко, едва ли дойдемъ съ наступленіемъ темноты, а уже полдень. Пора дать отдыхъ животнымъ и подкрѣпить свои силы. Теперь уже мы научены опытомъ. Вода у насъ съ собою. Приваль. Развьючиваемъ верблюдовъ, отпускаемъ лошадей. Но бѣдныя животныя безцѣльно бѣгають по каменистой степи, не будучи въ силахъ захватить своими привычными къ короткимъ кормамъ зубами едва пробивающіяся травинки. Отдыхъ собственно только для людей. Животныя не отдохнутъ, такъ какъ корму и воды здѣсь нѣтъ. Наскоро пообѣдавши, трогаемъ дальше. Весь день по каменистой степи, то пѣшкомъ, то верхомъ и только поздно-поздно вечеромъ подходимъ къ ключу. Вотъ и обычное блеяніе овецъ, монголки доятъ козъ, овецъ и коровъ, все готовится къ ночлегу, останавливаемся и мы.

Сегодня на ночь есть кормъ для лошадей и верблюдовъ, и вода близко въ „родникъ“. Идутъ дни за днями. Наконецъ, вдали виднѣется большое озеро. Это—Киргизъ-нуръ. Но до него еще далеко, не менѣе 30—40 верстъ. Только на другой день къ полудню подходимъ къ озеру и здѣсь останавливаемся на приваль. Стоитъ ли сегодня итти дальше, дойдемъ ли засвѣтло до Кибеголь, —рѣчки, текущей въ ущельяхъ

Ханъ-хухея? Нашъ „газарчи“ *)-философъ увѣряетъ, что близко. Ну, значитъ, съ Богомъ въ путь. Крутой поворотъ отъ Киргизъ-нура въ горы Ханъ-хухея. Путь все въ гору. Прошли уже нѣсколько часовъ, втянулись въ хребетъ, солнце уже скрылось, наступаетъ ночь, а Кибегола не видно. Мужественно идемъ дальше, такъ какъ остановиться негдѣ, нѣтъ воды. Совершенно темно, всѣ утомились, а Кибегола нѣтъ какъ нѣтъ. Начинаемъ волноваться, кричать на проводника, а онъ себѣ ѣдетъ дальше, да читаетъ молитвы. 11 часовъ ночи, а неизвѣстно, гдѣ Кибеголъ. Дальше итти нельзя, „срѣжемъ“ верблюдовъ. Раскидываемъ палатки, отпускаемъ лошадей, верблюдовъ и приказываемъ газарчи отыскать во чтобы то ни стало кормъ. Но газарчи ничего не нашель. Такъ и ночевали голодными и лошади, и верблюды. Рано утромъ тронулись дальше, и не прошли часа, какъ спустились въ прелестную долину, съ отличною травою и большимъ ручьемъ. Оказывается, мы ночевали всего въ 2—3 верстахъ отъ Кибеголъ, и газарчи не зналъ этого, не могъ отвести туда животныхъ на ночь. Пришлось остановиться и кормить животныхъ. Получился ранній приваль. Покормивъ лошадей, верблюдовъ, пообѣдали сами и потомъ уже тронулись дальше, пересѣкая глубокими ущельями хребетъ Ханъ-хухей; къ вечеру вошли въ широкую населенную долину. Здѣсь уже живутъ не монголы, а дюрбеты (калмыки), бывшіе подданные Кантайшины и легендарнаго у калмыковъ Амыръ-саны. Дюрбеты встрѣтили насъ какъ-будто привѣтливѣе монголовъ и производятъ впечатлѣніе болѣе развитыхъ, менѣе хитрыхъ и болѣе трудолюбивыхъ кочевниковъ, занимающихся уже отчасти и хлѣбопашествомъ. Вѣроятно, это благородное занятіе сказывается на міровозрѣніи обывателей Ханъ-хухея. На слѣдующій день шли, спускаясь на противоположный склонъ Ханъ-хухея, чудной долиной, къ сожалѣнію, съ высохшимъ русломъ большой когда-то рѣки. И къ вечеру вышли на равнину Убса-нора. Вотъ оно, это большое озеро, несомнѣнный остатокъ большого внутренняго моря, постепенно высыхающаго вѣками. Влаги становится все меньше въ этой области, большіе когда-то притоки Убса-нора, очевидно бушевавшіе, теперь совершенно высохли, и только русло, наполненное огромными камнями, когда-то двигавшимися лавинами изъ горъ, указываетъ, что здѣсь кипѣла жизнь и цвѣла могучая природа. Теперь постепенно превращается въ пустыню. Вотъ у ключа, вдоль высохшаго русла могучей когда-то рѣки, кочуетъ десятокъ дюрбетскихъ семей. Они, по обычаю предковъ, еще пытаются

*) „Газарчи“ въ русскомъ переводѣ—проводникъ.

„Субурганы“ памятники.

Представители китайских фирм въ гостяхъ у Московской экспедици.

заниматься земледѣліемъ, засѣвая пшеницу и ячмень, но недостатокъ влаги превращаетъ ихъ упорный трудъ въ ничто. Еще два перехода вдоль по берегу озера Убса, пересѣкли довольно значительную воздѣланную полосу, ласкающую нашъ взглядъ хорошо воздѣланными полями и тучными сѣнокосами; это—долина Тель, гдѣ при умѣломъ орошеніи получаютъ хорошіе урожаи, и дурбеты живутъ довольно зажиточно. Какъ пріятно послѣ утомительнаго путешествія черезъ степную, кочевую Монголію, песчаные барханы и дюны Ханъ-хухея, увидѣть культурную обработанную землю. Что-то глубоко пріятное, родное повѣяло отъ этихъ желтѣющихъ нивъ и скошенныхъ луговъ. Еще переваль, и мы подходимъ къ давно желанному городу Уланкомы.

Уланкомы, это—большой дурбетскій монастырь. И здѣсь среди калмыковъ ламаизмъ пустилъ свои глубокіе корни. 2000 монаховъ живутъ безъ всякаго дѣла въ многочисленныхъ постройкахъ цѣлаго города, а около монастыря раскинулись китайскія торговыя усадьбы, числомъ до 15—20. Вотъ прошли мы мимо монастыря, проходимъ мимо ставки дурбетскаго вана, владѣтеля калмыковъ дурбетовъ, очевидно, отдаленнаго потомка калмыцкихъ хановъ, конечно, въ достаточной степени омонголившася. Обширныя усадьбы устроены въ видѣ крѣпости, китайскаго импаня. Внутри—садъ, постройки. Самаго вана нѣтъ дома, онъ вызванъ въ Пекинъ. Подѣзжаемъ къ большимъ огородамъ,—это китайцы здѣсь культивируютъ, и довольно удачно, огородные овощи: капусту, морковь, рѣпу, редисъ, дыни, арбузы, горохъ, бобы и т. д. А вотъ и русская постройка. Здѣсь живутъ наши. Путь оконченъ.

На сѣверной сторонѣ городка имѣется три русскихъ факторіи: двѣ русскія избы, каждая огорожена изгородью и постройками, у одной факторіи сложена тутъ же и шерстомойка, третья факторія находится въ періодѣ созиданія: довольно большой глинобитный дворъ, амбары, кладовыя и даже баня, но нѣтъ жилой избы; хозяинъ и прислуга живутъ въ юртахъ. Мы остановились въ первой же факторіи, которую встрѣтили у Ив. С. Лебедева, стариннаго знакомаго В. Л. Попова по первому путешествію по Монголіи. Ив. С. Лебедевъ ведетъ дѣла въ Уланкомахъ уже 20 лѣтъ, изъ нихъ послѣднія десять лѣтъ—за свой счетъ, какъ хозяинъ. Дѣло его раскинуто широко среди дурбетскихъ хошуновъ. Теперь онъ ведетъ дѣло въ компаніи, и потому компаньоны и ихъ приказчики работаютъ во многихъ пунктахъ. Продають кое-какой товаръ русскій, кое-что китайское (по преимуществу чай, далембу, цуембу), скупають сурокъ, шерсть, шкуры звѣрей, скота. Дѣло ведется на кредитномъ началѣ. Товары и кредитъ серебромъ, а иногда и день-

гами берется у одной крупной бійской фирмы, и, по установившемся обычаю и условію, этой же фирмѣ сдается и сырье. Операціи основаны на довѣрїи: оптовая фирма даетъ товаръ и открываетъ кредитъ, накладывая по своему усмотрѣнію %₀, а розничная фирма обязана сдать все сырье, при чемъ цѣны на сырье опредѣляются оптовикомъ въ концѣ операціи при расчетѣ. Фирма Мокина — болѣе серьезная; она имѣетъ хорошій капиталъ и потому болѣе независима, — тоже раскинула нѣсколько приказчиковъ по хошунамъ, но главное занятіе этой фирмы торговля скотомъ. Скотъ скупается цѣлую зиму и пасется у дурбетовъ, собирается и выгоняется на озеро Косоголь, гдѣ продается иркутскимъ мясоторговцамъ или скупщикамъ. Было и еще нѣсколько мелкихъ фирмъ здѣсь, въ Уланкомѣ, и въ другихъ хошунахъ, но при современныхъ условіяхъ русской торговли не могли удержаться и исчезли. Третья факторія приобрѣтена новой фирмой, но уже не бійской, а минусинской. Это появленіе въ Уланкомахъ минусинской фирмы — предзнаменованіе новой эры какъ для Уланкомовъ, такъ и для всей русской торговли на сѣверо-западѣ Монголіи. Фирма молодая, представители полны энергіи, условія для новаго дѣла складываются благопріятно, и можно думать, что новое дѣло имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ.

Условія для нашего отдыха создавались благопріятныя. Любезный хозяинъ приказалъ поставить намъ роскошную, почти ханскую, юрту; прекрасное огородничество и августъ мѣсяцъ давали намъ возможность полакомиться свѣжими овощами; русскія факторїи дали возможность испечь намъ свѣжаго хлѣба и булки. Обошли мы весь городъ, познакомились съ китайскою торговлею, мельницами и огородами. Безъ сомнѣнія, Уланкомамъ предстоитъ большое будущее, какъ только откроется пароходство по рѣкѣ В.-Енисею и Урянхайскій край будетъ возвращенъ Россіи. Судите сами, что въ Уланкомахъ болѣе 15 мельницъ, хозяева которыхъ скупаютъ у дурбетовъ зерно, какъ только они его снимутъ, перемалываютъ въ муку и продаютъ или тѣмъ же дурбетамъ на мѣстѣ въ Уланкомахъ, или развозятъ далеко по хошунамъ Монголіи. Съ возможностью доставлять тяжелые грузы, напримеръ, земледѣльческія машины, дешевымъ воднымъ путемъ по Енисею, хлѣбопашество здѣсь должно увеличиться, а потому увеличится и значеніе Уланкомы для сѣверо-западной Монголіи, какъ центра, откуда будетъ получаться хлѣбъ для монголовъ, а попутно съ хлѣбомъ и русскіе товары, доставленные дешевымъ воднымъ тарифомъ. Уланкомы для экспедиціи должны были сыграть особую роль. Здѣсь оканчива-

лась исключительно торговая миссія для экспедиціи, а должна была присоединиться еще и другая задача, а именно: отыскать настоящую китайскую государственную границу, попутно обращая вниманіе и на торговые вопросы.

Здѣсь было назначено присоединиться къ экспедиціи еще двумъ ея членамъ: Ев. Фед. Августусу, вышедшему изъ Минусинска черезъ Урянхайскую землю къ Кошъ-Агачу, а оттуда по хребту Танну-ола къ Уланкомамъ, и Ал. Пав. Запольскому, вышедшему изъ Кяхты къ озеру Косоголу и тоже вдоль по хребту Тануола до Уланкомы. Соединившись вмѣстѣ, мы должны были бы составить довольно большую экспедицію; найдя китайскую границу, вдоль ея мы уже имѣли право итти всѣ военные въ своей формѣ, спеціально военнымъ отрядомъ, такъ какъ были бы уже не „за границей“, а на „границѣ“.

19-го августа прибылъ въ Уланкомы Евг. Фед. Августусъ съ пятью казаками; 21 августа рѣшили двинуться дальше. Ал. Пав. Запольскаго все еще не было. Но мы должны были слѣдовать ему навстрѣчу, а потому ожидать его было незачѣмъ.

Отъ дурбетовъ мы получили подробные рассказы, гдѣ проходитъ китайская граница и какъ она охраняется, а Ев. Фед. Августусъ прошел уже нѣсколько сотъ верстъ по этой границѣ; значить, сомнѣній не было, что мы пойдѣмъ по русско-китайской границѣ. Следовательно, мы могли уже по закону итти въ своей формѣ. 21-го утромъ всѣ мы одѣли свою форму и послѣ обѣда, простившись съ гостепріимнымъ хозяиномъ и нашей русской колоніей, тронулись въ путь. Первый переходъ сдѣлали небольшой, на берегу рѣки Кундюлюнъ остановились на ночлегъ. Къ нашей экспедиціи присоединился веселый спутникъ, случайно ѣхавшій въ томъ же направленіи, минусинскій купецъ Вас. Пав. Пестуновъ, такъ что образовалась довольно большая экспедиція. На слѣдующій день были двѣ интересныя встрѣчи. Во-первыхъ, подѣзжая къ озеру Баго-нуръ, мы замѣтили навстрѣчу ѣдущаго всадника, по типу не монгола. А черезъ нѣсколько минутъ удостовѣрились, что это былъ нашъ казакъ. Казакъ Черкашинъ, Красноярской сотни, долженъ былъ, по порученію Ев. Фед. Августуса, доставить въ Уланкомы изъ Кумчика сухари. Когда онъ переѣхалъ хребетъ Тануола и спустился въ долину Хандогайту, то онъ натолкнулся на китайскій пограничный карауль. Караульные монголы его остановили вмѣстѣ съ возами сухарей и доставили китайскому чиновнику, начальнику надъ нѣсколькими китайскими пограничными караулами. Чиновникъ, увидѣвъ русскаго казака въ формѣ и вооруженнаго, отказался его пропустить

Отъ Уланкомы—по китайской границѣ—въ Россію.

въ Монголію черезъ границу, на томъ основаніи, что: 1) карауль этотъ договорами съ Россіей не назначенъ для пропуска черезъ границу русскихъ, 2) что границу могутъ переходить только торгующіе, а не военные чины, да еще съ оружіемъ, и въ 3) у казака не было заграничнаго билета. Положеніе Черкашина было не изъ пріятныхъ; съ одной стороны, ему необходимо было исполнить приказаніе начальника и доставить сухари въ Уланкомы, а съ другой стороны его не снабдили заграничнымъ билетомъ. Рѣшившись оставить на границѣ сухари, Черкашинъ пробрался силою одинъ черезъ границу, напугавъ караульныхъ чиновъ тѣмъ, что будетъ въ нихъ стрѣлять, если они будутъ его задерживать или осмѣлятся по пробовать отнять у него оружіе, какъ хотѣлъ сдѣлать начальникъ караула, и вотъ карьеромъ прискакалъ къ намъ навстрѣчу. Сомнѣнія у насъ уже не было, гдѣ китайская граница. Значитъ, граница не тамъ, на Саянахъ, которую такъ долго, почти 200 лѣтъ, показывали нашимъ русскимъ пограничнымъ и мѣстнымъ властямъ китайцы, а здѣсь, южнѣе хребта Танну-ола; это подтверждается съ особенною яркостью происшедшимъ случаемъ съ казакомъ Черкашинымъ.

Вторая встрѣча—двѣ русскихъ тройки въ экипажахъ съ русскими торгующими, только-что переѣхавшими,—для насъ новую, а для китайцевъ старую—русско-китайскую границу, по перевалу Хандогайту изъ Урянхайской земли въ Монголію и отправляющимися съ маральми рогами въ Улясутай.

Итакъ впередъ, на границу! Вотъ и долина Хандогайту. Хр. Як. Зеллисъ отправляется на китайскій пограничный карауль потребовать объясненія о задержкѣ казака экспедиціи, когда экспедиція имѣетъ разрѣшительный документъ изъ Пекина, да кстати потребовать и проводника, а мы въ долинѣ Хандогайту останавливаемся бивакомъ. Миссія Х. Я. Зеллисомъ исполнена великолѣпно. Послѣ переговоровъ и предъявленія документовъ, караульные чины извинились за задержку казака и дали письменное объясненіе причинъ задержки, а затѣмъ немедленно нарядили двухъ солдатъ-монголовъ, чтобы проводить насъ до слѣдующаго караула по границѣ.

Рано утромъ мы трогаемся прямо на востокъ. Вотъ и граница. Наторенная тропа, обозначенная на всѣхъ вершинахъ особыми кучами, оригинально сложенными по обѣ стороны границы. При внимательномъ наблюденіи, заблудиться трудно. Граница обозначена хорошо. Время бы обѣдать, но проводники говорятъ, что еще немного,—и подѣдемъ къ пограничному знаку. Дѣйствительно, еще небольшой переваль, и

мы увидѣли двѣ кучи камней, одна противъ другой, на разстояніи 100 шаговъ. Между ними проходятъ „Хайчи-дзамъ“,—пограничная дорога. На южной сторонѣ тропы китайскій пограничный знакъ, однотипный съ тѣми, которые уже видѣлъ и снялъ Ев. Фед. Августусъ на первой части пути отъ Алтая. Другой... но чей же знакъ другой, къ сѣверу отъ границы? Куча камней нѣсколько другой формы, но, несомнѣнно, пограничная. Этотъ знакъ уже разрушается. Да и не мудрено. Давно этотъ знакъ былъ поставленъ на русской сторонѣ, да русскіе его потеряли и поправляютъ его некому, точно такъ же, какъ и не поправляются и никѣмъ не наблюдаются пограничные знаки и у Кяхты. Китайскіе знаки въ порядкѣ, да и естественно: ихъ охраняютъ особые караулы. На каждый знакъ поставленъ карауль, обязанный наблюдать за своимъ знакомъ и содержать въ порядкѣ границу до слѣдующаго знака. Эти караулы стоятъ тутъ столѣтія, обязанность охранять границу переходитъ отъ отца къ сыну, отъ поколѣнія къ поколѣнію. И линія карауловъ на нѣсколько тысячъ верстъ стоитъ сотни лѣтъ, наблюдая строго за знаками, за границей и за переходомъ черезъ границу. Порядокъ перехода границы, установленный почти 200 лѣтъ тому назадъ, соблюдается и понынѣ, что мы видѣли на примѣрѣ съ нашимъ казакомъ Черкашинымъ, что намъ подтвердили сами монголы и урянхи; послѣдніе кочуютъ около границы на сѣверной русской половинѣ. Скотъ урянхайскій и скотъ монгольскій не можетъ перейти эту грань-тропу. За всякій случайный переходъ черезъ границу урянхи дорого платятся; скотъ, перешедшій границу, конфискуется, и приходится сговариваться съ чиновникомъ и уплачивать ему штрафъ. Такъ постановлено въ договорѣ Китая съ Россіей еще въ 1727 году (см. приложение къ 10 статьѣ кяхтинскаго трактата), и урянхи, давно уже считающіе себя подданными Богдо-хана, почему-то принуждены подчиняться правиламъ для перехода черезъ границу какъ русскіе подданные и на основаніи договора Россіи съ Китаемъ! Китайцы—торговцы за переходъ этой границы изъ Монголіи въ Урянхай платятъ особую подать улясутайскому Дзянь-цзюню по нѣсколько сотъ ланъ серебра съ фирмы. Вотъ и попробуйте разобраться: почему это дѣлается?.. Россія считаетъ свою границу далеко на 200 верстъ сѣвернѣе, а чудную долину—страну урянховъ—китайскими владѣніями, сами урянхи платятъ подати китайцамъ, а перейти южную границу ни китайцы, ни урянхи, ни русскіе самовольно не могутъ.

Вы, вѣроятно, спросите, читатель, что у насъ есть же на границѣ пограничный комиссаръ? Да, есть; и живетъ онъ въ Кяхтѣ. Долж-

ность пограничнаго комиссара была учреждена тотчасъ послѣ установленія русско-китайской границы въ 1727 году, обязанность этого чиновника была наблюдать за границей, а вдоль по границѣ были поставлены такъ же, какъ и у китайцевъ, пограничные караулы, подчиненные комиссару. Но не до того было въ то время Россіи. Подумайте, читатель: Петербургъ XVIII столѣтія и граница Монголіи? Что общаго! Ну, а теперь-то что же дѣлаетъ кяхтинскій пограничный комиссаръ, живя на самой границѣ? Давно-давно онъ уже не имѣетъ никакого отношенія къ границѣ, а тѣмъ болѣе къ пограничнымъ карауламъ. За 200 лѣтъ было много всякихъ инструкцій ему, послѣдняя создавалась тогда, когда Кяхта кипѣла горячей чайной торговлей съ Китаемъ. И кяхтинскій комиссаръ игралъ роль пограничнаго полицейскаго чиновника; теперь ужъ давно и этотъ періодъ прошелъ, и черезъ Кяхту почти ничего ужъ и не везется, а комиссаръ со своей инструкціей все еще живетъ на самой границѣ, въ очень хорошемъ домѣ, получаетъ порядочное содержаніе и обмѣнивается визитами съ маймаченскимъ Дзоргучеемъ (китайскій чиновникъ). Къ границѣ же никакого отношенія онъ и до сихъ поръ не имѣетъ. Кажется нынѣшній, полный энергіи, жизни и желанія работать пограничный комиссаръ самъ для себя создаетъ какую-то живую работу, но больше политическую и таможенную, а не пограничную. Казалось бы проще всего подчинить кяхтинскому комиссару всѣ русскіе посты на границѣ, а гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ поставить новые, ввѣрить охрану границы пограничному комиссару, да ему же подчинить и таможенную стражу, подчинивъ пограничнаго комиссара генераль-губернатору; тогда мы бы имѣли лицо, отвѣтственное за извѣстный участокъ границы, обязанное выяснить границу, реставрировать знаки и охранять границу, имѣя сношенія съ такой же охраной съ китайской стороны.

Но довольно объ этомъ. Поѣдемъ дальше. Вотъ налѣво виднѣется мощный хребетъ Танну-ола, вершины его покрыты снѣгомъ, по долинамъ безчисленныхъ рѣчекъ, падающихъ съ этого водораздѣльнаго хребта между могучей системой великаго Енисея и внутреннихъ озеръ монгольскаго плоскогорья, тянутся группы тополей, елей и другихъ хвойныхъ и лиственныхъ деревьевъ, а перевалы представляютъ собою все ту же безконечную монгольскую степь. Тамъ вправо внизу виднѣется озеро-море Убса-норъ, блестя своими отраженіями на солнцѣ до боли въ глазахъ. День подходитъ къ концу, мы подошли къ рѣкѣ; какая чудная долина! Могучіе тополя, перемѣшанные съ сосною, елью и даже кедромъ, такъ и тянутъ къ себѣ путника своей тѣнью, послѣ

утомительнаго дня пути подъ жгучимъ, палящимъ солнцемъ монгольской степи. Дальше идти нѣтъ уже силъ. Такъ пріятно отдохнуть въ тѣни великановъ деревьевъ на дѣвственной роскошной травѣ, около быстрой, шумящей рѣки. Да и чего намъ еще сегодня нужно? Мы нашли русско-китайскую границу, навели страхъ, а вмѣстѣ съ нимъ и уваженіе (такъ какъ у азіатовъ страхъ неразрывно связанъ съ уваженіемъ) на китайскаго чиновника и монгольскіе караулы, насъ сопровождаютъ по самой границѣ монголы-солдаты карауловъ, предупредительно показывая самую границу и условія ея охраненія, наконецъ, мы видѣли новые для Россіи, но старые для Китая, пограничные знаки; на сегодня довольно.

Утромъ рано въ дальнѣйшій путь. Ев. Фед. Августусъ ѣдетъ впереди и производитъ съемку границы. Вотъ онъ подъѣзжаетъ къ слѣдующему монгольскому караулу—Цицержана. Его недостаточно почтительно встрѣчаютъ, но не таковъ Евг. Фед. Августусъ, сподвижникъ буровъ, лихой развѣдчикъ-стрѣлокъ, уже побывавшій и въ этихъ мѣстахъ; намъ съ нимъ уже не въ первый разъ приводитъ къ почтенію русской силъ азіатовъ. Черезъ полчаса монгольскіе караульные чиновники уже всѣ въ своихъ форменныхъ шапкахъ и курмахъ и ѣдутъ навстрѣчу съ почтеніемъ русской экспедиціи. Экспедиція стройно подходитъ къ караулу съ лихою казачьею пѣснею, еще первый разъ раздающейся въ этихъ мѣстахъ. Начинается обычное присѣданіе чиновниковъ-монголовъ и отданіе почестей русской экспедиціи. Мѣняются проводники, и экспедиція слѣдуетъ дальше. Вотъ и опять пограничный знакъ. Нарочно подъѣзжаемъ къ кочевьямъ сойотъ (уряньховъ); никто не говоритъ по-монгольски и по-русски, но у насъ есть молодецъ, говорящій по-уряньхайски. „Что это за куча?“ Спрашиваемъ растерявшихся сойотъ.—„Это—граница“.—„А вы можете переходить эту границу?“—„Нѣтъ, нельзя“.—„Чьи же вы подданные?“—„Богдыхана“. Вотъ и подите, разберитесь съ этой тарабарщиной. „Да на чьей же землѣ вы кочуете?“ „На нашей“.—„А скотъ это чей?“—„Это нашъ, а тамъ, по ту сторону границы,—монголовъ“. Удивленно смотрятъ на насъ уряньхи, ничего, очевидно, не понимая. Вотъ и еще пограничный знакъ, а къ вечеру подходимъ къ другому монгольскому караулу. Опять съ лихою казачьею пѣснею, стройнымъ военнымъ отрядомъ, развѣздомъ, и съ почтеніемъ за три-пять верстъ встрѣчаютъ насъ начальники карауловъ—монгольскіе чиновники. Опять чудный ночлегъ на берегу рѣки, въ тѣни деревьевъ, на хорошемъ корму. Есть и баранъ, и молоко, и ночной караульный для лошадей и верблюдовъ. Еще и еще такой же переходъ по „хайчи дзамъ“—пограничной дорогѣ, и мы приближаемся къ рѣкѣ Самголтаѣ. Здѣсь

на Самголтаѣ живетъ старый пріятель начальника экспедиціи Амбань-найонъ урянхайскій, первый и старшій чиновникъ и начальникъ урянховъ. Останавливаемся въ роскошной долинѣ Самголтая, раскидываемъ палатки, урядникъ съ двумя казаками посылаются въ Амбань-найону съ подарками, привѣтствіемъ и карточкою. Пока обѣдаемъ да устраиваемся на ночлегъ, возвратились и посланные, съ привѣтомъ и приглашеніемъ посѣтить найона. Раскинувъ флагъ экспедиціи, съ пѣснею, большой кавалькадою,—три офицера и пятнадцать казаковъ,—ѣдемъ къ палаткѣ Амбань-найона. Вотъ и онъ со своими чиновниками. Ведется обычный разговоръ при визитахъ въ юртѣ, уставленной всевозможными явствами въ китайско-монгольскомъ вкусѣ, незамѣнимой аракой, чаемъ и т. д. Но какая разница въ пріемѣ семь лѣтъ тому назадъ и теперь! Тогда этотъ самый азіатъ-найонъ допытывался, кто мы, да зачѣмъ, да имѣемъ ли разрѣшеніе китайскаго правительства, строгая провѣрка документовъ, придирки и такъ далѣе; а теперь никакихъ документовъ не спрашиваютъ, руки трясутся, всѣ испуганные, съ глубокимъ почтеніемъ и наружною вѣжливостью. Да... многое измѣнилось. На другой день найонъ съ большою свитою является съ отвѣтнымъ визитомъ; мы его принимаемъ насколько возможно торжественно; онъ привезъ и показываетъ намъ золотую медаль на лентѣ св. Станислава, пожалованную ему за пріемъ первой еще экспедиціи въ 1903 году. При интересномъ обмѣнѣ мнѣній выясняется, что урянхи платятъ подати въ Улясутай добровольно сто—сто-пятьдесятъ лѣтъ, что раньше они китайцамъ никакихъ податей не платили. Мы показываемъ имъ Буринскій договоръ на монгольскомъ языкѣ, гдѣ говорится объ урянхахъ. Найонъ пораженъ. Горячій разговоръ долго поддерживается на эту тему.—Но вотъ найонъ уѣзжаетъ, пора и намъ отправляться дальше. Снова опять выѣзжаемъ на „хайчи-дзамъ“, вотъ и опять пограничный знакъ, спускаемся къ рѣкѣ Теси и идемъ ея долиной; ночлегъ. На другой день подходимъ къ караулу Эрсинъ, затѣмъ опять пограничный знакъ, и подходимъ къ караулу Дзиндзиликъ. Это—первый пропускной пунктъ черезъ русско-китайскую границу. Только здѣсь, на этомъ караулѣ, русскіе имѣютъ право переѣзжать въ Монголію съ товарами. Здѣсь должны предъявляться русскими заграничные паспорта и товары, и поэтому на этомъ караулѣ живетъ важный китайскій чиновникъ, но онъ такъ испугался экспедиціи, что совершенно спрятался, и мы не могли, да и не стали особенно его разыскивать. Отсюда начинается для насъ, такъ сказать, отчасти новая обстановка нашего путешествія по границѣ. Очевидно, китайскій „Кхя“ на Дзиндзиликѣ,

подчиненный ургинскому амбаню, получилъ уже изъ Урги опредѣленные инструкціи. Нужно замѣтить, что до сихъ поръ мы ѣхали по границѣ, находящейся въ завѣдываніи Кобдосскаго амбана, у котораго мы съ визитомъ не были, и о появленіи насъ на границѣ онъ, вѣроятно, своевременно не получилъ извѣстія и потому не могъ сдѣлать распоряженій, чтобы намъ помѣшали дѣлать наше дѣло. Для насъ это было очень важно, такъ какъ главнымъ образомъ у насъ не было данныхъ о томъ именно, гдѣ проходитъ русско-китайская граница на западѣ: отъ Дзиндзилика до Алтая. Границу эту мы теперь узнали, а дальше, на востокъ къ Косоголу, у насъ въ рукахъ была китайская съемка границы, и мы могли идти безъ всякой указки и проводниковъ. Однако китайская съемка границы начиналась съ половины пути между Дзиндзиликскимъ и Баянъ-Булуцкимъ караулами, и намъ нужно было дойти до пограничнаго знака, называемаго „Мадо“, а по договору онъ называется „Кынзе-мадо“. Найти этотъ знакъ намъ было необходимо. Проводники-монголы, назначенные намъ отъ Дзиндзиликскаго караула, заявили намъ, что на востокъ къ караулу Баянъ-Булукъ идутъ двѣ дороги: одна „хайчи-дзамъ“ по долинѣ Нарынъ-голь, очень неудобная, горная и лѣсная, по которой съ верблюдами никакъ не пройти, а другая „караульная“ дорога тоже горная, но болѣе удобная. Не бросать же было верблюдовъ, и потому мы тронулись по „караульной дорогѣ“. Пройдя верстъ пятнадцать на востокъ, остановились на ночлегъ, а на другой день рано утромъ подошли къ ручью Ганзанъ-мадо, который китайцы въ договорахъ 1727 года переименовали Кынзе-мадо. Поднимаясь отъ ключа, мы спрашиваемъ проводника: „гдѣ же „Хайчи-обо-мадо“, т.-е. пограничный знакъ Мадо?“ Проводникъ начинаетъ намъ врать. Сначала сказалъ, что мы его прошли мимо. Тогда экспедиція остановилась, и проводникъ въ сопровожденіи членовъ экспедиціи былъ отправленъ осмотрѣть знакъ. Когда пріѣхали на указанную вершину, на ней никакого знака не оказалось, даже нѣтъ никакого „обо“. Ясно, что монголъ насъ обманулъ. Идемъ дальше. Вотъ поднялись на большой перевалъ, и на немъ случайно нашли „обо“, но полуразрушенное. Гдѣ-же „Хайчи-обо“? Монголъ объясняетъ, что во время лѣснаго пожара его разрушили и сожгли; затѣмъ опять даетъ новое объясненіе, очевидно путаетъ. Не зная „Хайчи-обо“ проводникъ-монголъ караульный солдатъ этого караула не могъ, такъ какъ охрана знака входитъ въ обязанность чиновъ караула. Монголъ почтенный, давно служащій на караулѣ, слѣдовательно тѣмъ болѣе не могъ не знать. Стали спускаться отъ „обо“ и замѣтили какую-то странную линію, обозначенную колыш-

ками, уже частью сгнившими, частью поваленными, а отчасти хорошо еще сохранившимися. Пошли вдоль этих колышковъ. Линія идетъ строго на востокъ. Вытащили китайскую съемку, стали соображать, ориентироваться. Надо думать, что мы идемъ по границѣ, но вотъ газарчи сворачиваетъ въ сторону. „Эй, стой! Куда ты пошелъ, вѣдь вотъ куда идетъ „Хайчи-дзамъ!“—кричимъ мы проводнику. Онъ намъ отвѣчаетъ, что тутъ пройти нельзя и что на карауль нужно итти сюда къ югу. Такъ какъ мы видѣли, что къ нашему газарчи (проводнику) подѣзжали какіе-то монголы, о чемъ-то долго говорили, то для насъ стало очевиднымъ, что проводникъ сознательно насъ путаетъ, чтобы мы не могли изучить границу. Пришлось заставить проводника идти по границѣ, которая была такъ отчетливо обозначена на мѣстности рядомъ кольевъ, затѣмъ далѣе рядомъ камней, опять кольевъ и такъ далѣе. Эта линія шла прямо на востокъ и вполне совпадала съ границей, указанной на китайской съемкѣ. Изъ описанія, приложеннаго къ съемкѣ, было видно, что восточные караулы, т.-е. отъ Дзиндзилика, расположены не на самой границѣ, подобно западнымъ, мимо которыхъ мы прошли, а южнѣе въ 7—10—15 верстахъ. Намъ было необходимо провѣрить китайскую съемку границы и одновременно сдѣлать съемку караульной дороги и нанести на съемку караулы. Х. Я. Зеллисъ съ двумя казаками и китайской съемкой въ рукахъ отправился по границѣ, а мы отправились по караульной дорогѣ. Но и тутъ проводникъ началъ что-то путать и въ концѣ-концовъ заявилъ, что онъ заблудился, дороги не знаетъ и что у него голова болитъ... И начались различные фокусы въ этомъ родѣ. То мы долго не можемъ найти караула, а найдя караульные юрты—не можемъ найти караульное начальство, то нѣтъ лошадей, то не знаетъ никто дороги. Прошли карауль Баинъ-Булукъ, Дзайгыль, Хациге. И все одна и та же картина. Х. Я. Зеллисъ придумывалъ уже разные хитрости, чтобы попадать на границу. Обыкновенно, мы отправлялись съ мѣсть ночлега всѣ вмѣстѣ, брали двухъ проводниковъ и на первыхъ пяти-шести верстахъ замѣчали, который изъ проводниковъ болѣе старательный. Тогда Зеллисъ отправлялся будто бы на охоту, взявъ съ собой этого проводника и прямо ѣхалъ на границу, а найдя границу, онъ слѣдовалъ по ней. Проводникъ понималъ тогда, что дѣлаетъ найонъ, и начиналъ пускать разныя хитрости въ ходъ, чтобы или отвести его съ границы, или помѣшать слѣдовать по границѣ, а то и просто скрывался. Конечно, это не могло лишить насъ возможности прослѣдить границу, такъ какъ, къ счастью, у насъ была въ рукахъ съемка ки-

тайцевъ, правда хотя не изъ хорошихъ, но ориентироваться по ней было возможно, особенно человѣку, хорошо владѣющему китайскимъ и монгольскимъ языками. На одномъ изъ карауловъ дѣло дошло до того, что проводникъ Х. Я. Зеллиса убѣждалъ пѣшкомъ, оставивъ лошадь съ сѣдломъ. Сколько мы ни отыскивали хозяина лошади и сѣдла, вызывали начальниковъ караула,—всѣ куда-то скрылись и не могли никого найти, чтобы отдать лошадь, такъ она и осталась въ экспедиціи. При выходѣ съ караула „Хациге“ проводникъ повелъ насъ куда-то на югъ. Мы его остановили, послали впередъ по хорошо наторенной тропѣ казака развѣдать; оказалось, что по дорогѣ пройти вполне удобно и возможно, несмотря на увѣреніе насъ въ противномъ. Пошли. Объяснилось, что просто проводникъ не хотѣлъ насъ провести мимо караульныхъ юртъ, чтобы не показать, гдѣ собственно находится карауль. На полпути проводникъ просто хотѣлъ удрать отъ насъ, а когда ему этого не удалось, то, пройдя верстъ десять, онъ заявилъ, что онъ дальше не знаетъ дороги. Все это, конечно, было чистѣйшая ложь, такъ какъ каждый изъ караульныхъ монголовъ, въ предѣлахъ своего караула, знаетъ каждый кустикъ, каждую ямку, ибо всю жизнь пасутъ тутъ скотъ, охотятся, ѣздятъ съ порученіями, охраняютъ границу. Приходилось принимать экстраординарныя мѣры, чтобы выполнить все-таки свою задачу. Но вотъ прошли карауль Шавыръ, спускаемся къ караулу Агари. Снѣгъ идетъ, мятель поднялась, и ничего не видно, а тутъ, какъ на зло, усталъ верблюдъ—пришлось бросить его на дорогѣ. Спустились въ долину, увидѣли юрты, послали казака впередъ. Никто не выѣхалъ навстрѣчу, нѣтъ дровъ, не знаемъ, гдѣ встать. Приходится принять рѣшительныя мѣры. Евг. Фед. Августусъ ѣдетъ впередъ, разыскиваетъ начальство караула. Оказывается, тутъ кочуетъ большой монгольскій чиновникъ „туслакчи“, начальникъ надъ десятью караулами. Принялъ очень грубо Евг. Фед. Августуса, но нашъ партизанъ-начальникъ авангарда не изъ тѣхъ, чтобы надъ нимъ монголы выкидывали штуки. Черезъ десять минутъ ужъ „туслакчи“ во всей своей парадной формѣ встрѣчаетъ экспедицію съ поклонами и прочими знаками вниманія. Появились дрова, молоко, баранъ, проводники, караульщики и такъ далѣе.

На пути мы получили, наконецъ, свѣдѣнія о нашемъ потерявшемся товарищѣ Ал. П. Запольскомъ, котораго отыскиваемъ отъ самой Уланкомы и не получили до сихъ поръ никакихъ о немъ свѣдѣній. Встрѣтили русскихъ, и они намъ объяснили, что онъ лежитъ больной въ Дархатахъ. По пути въ Дархаты изъ Кяхты онъ неосто-

рожно порубилъ себѣ ногу и разболѣлся. Намъ рассказали въ такихъ мрачныхъ краскахъ, что мы рѣшили обязательно отправиться выручать товарища въ Дархаты. Рѣшено было, что Х. Я. Зеллисъ будетъ продолжать слѣдовать по границѣ, Евг. Фед. Августусъ поѣдетъ по караульной дорогѣ, а я съ верблюдами заѣду за Запольскимъ. Кратчайшая дорога въ Дархаты отходитъ отъ караула Агари. Нужно значить только найти проводника. Такъ какъ всѣ жители этого и ближайшихъ карауловъ постоянно бываютъ въ Дархатахъ, покупаютъ товары и продаютъ сырье, то казалось бы, что затрудненій найти проводника не встрѣтится. Стали искать проводника, и вдругъ оказалось, что никто не знаетъ, какъ пройти въ Дархаты. Прямо возмутительно. Пришлось заявить „туслакчи“, что если онъ не дастъ проводника, то самъ поведетъ насъ; но „туслакчи“ объяснилъ, что онъ тутъ недавно, никого и ничего не знаетъ. Случайно казаки услышали разговоръ среди монголовъ, что они знаютъ дорогу, но никто не пойдетъ. Мы предложили какую угодно цѣну, на примѣръ, десять ланъ въ день, т.-е. 13 рублей. Нашелся одинъ, да и то по принужденію, насильно. Утромъ пришлось послать казаковъ и привести насильно проводниковъ. Тронулись. Прошли верстъ пять, проводникъ заявляетъ, что не пойдетъ дальше. Проводники по караульной дорогѣ тоже отказываются идти, все что-то шепчутся между собой, наконецъ, просятъ съѣздить къ дзангину. Гдѣ „дзангинъ“? Вотъ его юрта. Стой! Зовите сюда дзангина. Поѣхали. Проходитъ полчаса, никто не возвращается. Мы одни безъ проводника, между юртами скачутъ верховые, но къ намъ никто не ѣдетъ. Поѣхалъ Х. Я. Зеллисъ, ведетъ переговоры, его встрѣчаютъ ужъ прямо съ нескрываемой злобой. Тогда ѣдетъ Евг. Фед. Августусъ съ казаками и по моему приказанію приводитъ дзангина силою, выдержавъ при этомъ даже нападеніе монголовъ на него. Дзангинъ усмиранный является все-таки съ почтеніемъ, приводитъ двухъ проводниковъ, но нѣтъ проводника въ Дархаты. Очевидно, монголы рѣшили по какимъ-то соображеніямъ насъ не пускать въ Дархаты. Тогда мы рѣшаемся найти во что бы то ни стало проводника на слѣдующемъ караулѣ и трогаемся по караульной дорогѣ. Наши проводники смотрятъ на насъ „волками“, на всѣ наши распросы отвѣчаютъ незнаніемъ или непониманіемъ, а одинъ прикидывается глухимъ. Т.-е. сколько всякаго рода ухищреній, трудно себѣ представить! Замѣчательно изворотливый, ловкій, хитрый, а, главное, солидарный народъ. Для насъ выясняется, да намъ и проболтался одинъ изъ монголовъ, что прошла по карауламъ бумага изъ Урги о томъ, что ѣдетъ нойонъ Поповъ, и что ему

ничего не нужно показывать, но русскій нойонъ такой сердитый, говорятъ монголы, что захочетъ, то и дѣлаетъ, и противъ него ничего не подѣлаешь. Захочетъ осмотрѣть „Хайчи-дзамъ“ и осмотритъ, потребуетъ проводника—хочешь не хочешь, а придется ему дать... Однако терпѣніе наше начинаетъ истощаться, ежедневно цѣлая сотня всякихъ мелкихъ препятствій и непріятностей очень серьезно вліяетъ на нервы и на удобство работы. Кто это догоняетъ насъ карьеромъ? Оказывается, проводникъ, посланный отъ Ан. П. Шубина. Начинаемъ спрашивать, что тамъ, въ Дархатахъ, какъ здоровье Запольскаго, въ какомъ положеніи его рана. Узнаемъ, что Запольскій уже поправился и собирается выѣхать къ намъ навстрѣчу. Значитъ, необходимость ѣхать въ Дархаты миновала. Тѣмъ лучше. Теперь мы спокойны. Въ услугахъ монголовъ-проводниковъ не нуждаемся. И всѣ наши непріятныя исторіи окончились.

Вотъ спустились и въ чудную долину р. Тельгиръ-мурина, перешли горный хребетъ, прошли мимо карауловъ Белтысь, подошли и къ караулу Хатхыль. Здѣсь должны окончиться наши работы, такъ какъ участокъ границы отъ Хатхыла до Кяхты провѣренъ Запольскимъ. Хатхыль очень важный пунктъ на границѣ, здѣсь совершается много сдѣлокъ по покупкѣ скота, мимо Хатхыла постоянно проѣзжаютъ русскіе торгующіе, отсюда иркутскіе и тункинскіе купцы отправляются въ Монголію для закупки скота, и сюда подгоняютъ десятки тысячъ головъ скота. Переночевали по-сосѣдству съ русскими торгующими на берегу рѣки Иги; беспокоились довольно долго за отсутствіемъ Х. Я. Зеллиса, уѣхавшаго на границу; въ полночь раздался выстрѣлъ изъ казачьей винтовки, мы сейчасъ же отвѣтили выстрѣломъ, и черезъ пятнадцать минутъ Х. Я. Зеллисъ былъ въ палаткѣ. Граница установлена, караулы нанесены на съемку, проданы за безцѣнокъ верблюды и усталыя лошади, нанято нѣсколько вьючныхъ лошадей, за цѣну дорожке стоимости верблюдовъ, но со всѣмъ этимъ приходится мириться.

Прощай Монголія—можетъ-быть, на долго, а, можетъ-быть, и навсегда! Съ Богомъ, въ путь въ Россію! Перешли границу, вотъ и чудныя, не забытыя еще изъ прежняго путешествія, величественныя картины окрестностей озера Косогола. Синее, а временами почти бирюзовое море, окаймленное крутыми горами, покрытыми растительностью, принявшей уже осенніе удивительно разнообразныя цвѣта, вершины горъ покрыты снѣгами, виднѣется и могучая бѣлая шапка ледниковъ Мунко-сардыкъ. Тамъ беретъ начало родной Иркутъ. Вотъ и прежняя русская граница въ долину Ханхи, карантинъ и первый русскій поселокъ Монды. Экспедиція закончена.

В. Л. Поповъ.